

ЗЕЛЕНЫЙ РЫЦАРЬ

ЛЕГЕНДЫ ЗАЧАРОВАННОГО ЛЕСА

НИИ ГЕЙМАНИ

ЭЛЕН ДАТЛОУ, ТАНИТ ЛИ, ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНГ И ДРУГИЕ

Антология
Эллен Датлоу
Терри Виндлинг
Зеленый рыцарь. Легенды
Зачарованного Леса (сборник)
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20534727

Зеленый рыцарь. Легенды Зачарованного Леса (сборник): АСТ; М; 2016

ISBN 978-5-17-097606-5

Аннотация

Истории о Зачарованном лесе и существах, его населяющих. Вы встретите здесь ведьм, волков, дриад, людей-оленей, парочку фей и бесчисленное множество духов природы (и даже дружелюбного зеленого великана). Таинственная тропинка ведет в волшебные земли через леса, пустыни, горы, города и трущобы. Над головами шепчутся кроны дубов и ясеней, а из теней наблюдают за каждым шагом зеленые существа...

Содержание

Эллен Датлоу и Терри Виндлинг	6
Терри Виндлинг	8
Нил Гейман	26
Делия Шерман	29
Майкл Кеднам	55
Чарльз де Линт	63
Танит Ли	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Зеленый рыцарь
Легенды Зачарованного
Леса (сборник)
Эллен Датлоу,
Терри Виндлинг

The Green Man
Tales From The Mythic Forest

Печатается с разрешения литературных агентств Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Copyright © Ellen Datlow and Terri Windling, 2004

© А. Белоголова, Д. Вернер, Т. Игнатова, Е. Колябина, А. Кондратьева, А. Коптева, Н. Красавина, Е. Лозовик, А. Морозова, Я. Север, Е. Сурская, М. Татищева, Е. Фельдман, Н. Червякова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Эта книга посвящается Чарльзу Вессу и
Карен Шаффер, которые каждый день творят*

*волишебство и делятся им с безграничной
щедростью.*

Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

Предисловие

Углубляясь в леса в мифах, сказках или современных книгах в жанре фэнтези, мы вступаем в пространство магии, опасностей и личных трансформаций. Леса не раз становились декорациями к самым захватывающим произведениям мировой литературы: начиная с загадочных чащ средневековых рыцарских романов и населенных феей полей Шекспира и Йейтса – и заканчивая говорящими деревьями из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина и архетипическим «Лесом Мифаго» Роберта Холдстока.

Приступая к работе над сборником, мы попросили авторов отправиться в Зачарованный лес и вернуться оттуда с историями об этих диких землях и существах, их населяющих. На следующих страницах вы встретите ведьм, волков, дриад, людей-оленей, парочку фей и бесчисленное множество духов природы (включая даже дружелюбного зеленого великана).

В шотландской балладе «Томас-рифмач» Королева фей показывает Томасу три дороги, три жизненных пути:

Вот этот путь, что вверх идет,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведет,

По нем немногие идут.

Другая – торная – тропа
Полна соблазнов и услад.
По ней всегда идет толпа,
Но этот путь – дорога в ад.

Бежит, петляя, меж болот
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведет,
Где скоро будем ты да я¹.

Как и Томас, мы выбираем таинственную, извилистую тропинку, которая ведет в волшебные земли через леса, пустыни, горы, города и трупобы. Над нашими головами шепчутся кроны дубов и ясеней, а из теней наблюдают за каждым шагом зеленые существа. Мы надеемся, что это путешествие доставит вам удовольствие – только не забывайте смотреть под ноги.

¹ Перевод С. Маршака.

Терри Виндлинг

Вступительное слово

О Зеленем человеке и других лесных хозяевах

Когда мы вглядываемся в тени Зачарованного леса, в ответ на нас смотрит удивительное лицо: человек в маске из зелени, изрыгающий дубовые листья. Зеленый человек – дохристианский символ, который, тем не менее, можно встретить как в языческих храмах и курганах, так и в средневековых церквях и кафедральных соборах. В викторианскую эпоху этот архитектурный мотив использовался от Ирландии на западе до России на востоке.

Хотя Зеленый человек обычно считается древним кельтским символом, его происхождение и первоначальный смысл окутаны туманом загадок. Даже имя этого мифологического персонажа возникло только в 1939 году, когда фольклористка леди Реглан провела параллель между листовыми лицами в английских церквях и Зеленым человеком (или Джеком-в-зеленом) из народных преданий. Имя закрепилось и получило широкое распространение, однако правомерность такой параллели до сих пор вызывает споры, и ни одна точка зрения не может перевесить другую. Самые

ранние образцы «лиственной головы» (как она называлась до статьи леди Реглан) восходят к римским временам, но настоящую популярность этот языческий образ обрел только благодаря христианской церкви. Доподлинно неизвестно, что он обозначал в ранних религиях – и почему так охотно был воспринят христианской архитектурой, – но большинство фольклористов сходятся во мнении, что он символизировал возрождение и обновление и потому вписался в христианскую иконографию воскрешения из мертвых. (Примерно так же в нее вошло Древо жизни – по сути, универсальный символ жизни, смерти и возрождения.)

Фигура Джека-в-зеленом традиционно ассоциируется с молодой весенней порослью и празднованием Майского дня. В английском городе Гастингсе и сейчас каждую весну устраиваются карнавальные шествия в его честь. Роль Джека исполняет мужчина в двухметровом костюме из листьев, в маске и цветочной короне. Он следует через весь город в сопровождении свиты с зелеными волосами и кожей, а также юной девушки, с ног до головы облаченной в черное. Танцоры, словно вышедшие из легенд о Робине Гуде, развлекают толпу, а Джек-в-зеленом, который по натуре своей является трикстером, дурачится и ловит симпатичных девушек. Наконец они достигают лесистого холма возле местного замка – и танцоры, обнажив деревянные мечи, изображают символическое убийство Зеленого человека. Затем над ним торжественно читают стихотворение-заговор, и веселье продол-

жается, причем каждый участник процессии старается заполучить на удачу листочек из его костюма. (Согласно фольклористу Джеймсу Фрэзеру, «убийство древесного духа всегда ассоциируется с его будущим возрождением в более молодом и энергичном облике».)

В Баварии по деревням бродил его дальний родственник – древесный дух *Pfingstl*. Его наряд был сделан из листьев ольхи и орешника, а макушку венчала высокая шляпа, украшенная цветами. Его сопровождали двое мальчиков с деревянными мечами. По весне эта маленькая процессия обходила дома и стучалась в случайные двери, выпрашивая подарки – но вместо них частенько получая ведро воды на голову. Как и в Англии, шествие заканчивалось тем, что мальчики обнажали мечи и совершали ритуальное убийство Зеленого человека.

Во французской Пикардии существовала другая традиция: один из членов *Compagnons du Loup Vert*², наряженный в зеленую волчью шкуру и листья, пробирался в деревенскую церковь со свечой и цветочными венками. Он дожидался, пока не пропоют «Славу», затем направлялся к алтарю и стоял там всю мессу. В конце ее прихожане набрасывались на зеленого волка, срывали с него «шкуру» и забирали себе по листку на удачу.

В некоторых традициях слышны отголоски более древних, дохристианских обрядов. В ранних языческих религи-

² «Братство зеленого волка» (фр.).

ях деревья считались священными, а чащи служили домом для богов, богинь и самых разных духов природы. Наиболее устойчивые анимистические взгляды (включая почитание деревьев и природы как таковой) были характерны для жителей европейского Севера и Британских островов – то есть двух областей, где христианские священники Темных веков (например, святой Бонифаций из Девоншира) особенно упорно сражалась со старыми верованиями, срубая священные деревья и выжигая целые рощи. На дальнем Севере, в диких заснеженных лесах Скандинавии, люди верили, что центром Вселенной является гигантский ясень Иггдрасиль. Три его огромных корня связывали Асгард (мир богов), Йотунхейм (мир ледяных великанов) и Нифльхейм (загробный мир) со срединным человеческим миром.

Кельтские племена Британии и Ирландии наделяли деревья магическими свойствами – а их верхние ветви высоко ценились друидами, воинами и целителями. Каждая буква огамического алфавита обозначала какое-либо растение и несла в себе магические ассоциации. Кельтская символика деревьев необычайно поэтична и нашла широкое отражение в мифах. В своей выдающейся книге «Белая богиня» английский поэт Роберт Грейвс подробно анализирует последовательность и значения всех букв «древесного алфавита». Также он высказывает предположение, что знаменитая валлийская «Битва деревьев» (группа поэтических произведений, собранных в древнем манускрипте «Книга Талиеси-

на») подразумевает стихотворное состязание друидов-сказителей, а не буквальное сражение растений.

Священные деревья и рощи также играют центральную роль в греко-римской мифологии. Дуб издавна почитался как дерево Зевса, и жрецы слышали волю своего бога в шелесте его ветвей. Адонис, бог сменяющихся времен года и новых урожаев, был рожден из ствола миррового дерева. Нимфа Дафна, пытаясь избежать домогательств Аполлона, обратилась в лавр, который стал символом поэтического вдохновения и священным растением в различных женских культах.

Многие ученые полагают, что предшественником Зеленого человека был бог Дионис – он тоже часто изображался в маске, увенчанный листьями плюща и винограда. Это притягательное, но опасное божество считалось покровителем дикой природы, вина, безумия и религиозного экстаза. Помимо этого, в своей ипостаси Океана Дионис являлся богом подземного мира и ассоциировался со смертью и возрождением, – не в последнюю очередь потому, что был, по некоторым легендам, рожден трижды. В первый раз – как сын Зевса и Персефоны (еще во младенчестве растерзанный титанами), затем – как сын Семелы Фивской (из-за ревности Геры, погибшей до рождения ребенка) и, наконец, как сын Зевса, которого тот извлек из чрева Семелы и доносил в собственном бедре.

Различные ученые указывали на параллели между Диони-

сом и кельтским богом-оленьем Кернунносом, супругом лунной богини и хозяином британских и галльских лесов. Он также ассоциировался с подземным миром и круговоротом смертей и рождений. В древности резные головы, символизовавшие этого бога, украшали двери, источники и деревянные сундуки; порой в них делались отверстия для оленьих рогов или лиственных букетов.

Еще одно лесное создание – богиня Артемида, окруженная свитой бессмертных дриад и незамужних девушек. Хотя в позднейшей греческой и римской традиции она изображалась вечной девой, в древности ее представляли Матерью всех существ – не столько девственной, сколько независимой от мужчин. Артемида славилась как великая охотница, а ее дикая, темная сторона внушала страх. Многие рощи считались ее святилищами, и смельчак, преступивший их границы, мог не надеяться уйти безнаказанным. В известной легенде об Актеоне прекрасный юноша, охотившийся в лесу вместе с друзьями, забрел в рощу Артемиды и случайно подсмотрел ее купание. Разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, сохранив ему человеческий разум, и несчастного растерзали собственные собаки.

Несмотря на позднейший образ вечной девы, Артемида также считалась богиней деторождения. Беременные женщины обращались к ней под именем Эилейты, моля даровать им избавление от болей. В этой своей ипостаси Артемида близка Зеленой женщине – феминному аналогу Зелено-

го человека. Сохранились ее каменные изображения в виде первобытной женщины, рождающей зеленые побеги. Образ Зеленой женщины распространен куда меньше, чем Зеленого человека, поскольку ее сложнее было включить в христианскую иконографию или викторианское декоративное искусство. Тем не менее, довольно много ее изображений можно найти в ирландских церквях, построенных до XVI века, – там она была известна под именем Шила-на-гиг. Некоторые фигурки сохранились до наших дней, другие были сожжены или разбиты во время обновления церкви в XIX веке. Существовало поверье, что если облизнуть палец и коснуться их, они принесут удачу – как и индийские статуэтки «йони».

Согласно легенде, город Рим также обязан своим появлением лесам. Рея Сильвия (дословно «Рея Лесная») была дочерью царя Альбы-Лонги Нумитора. Ее дядя вероломно захватил трон, а Рею, чтобы избежать появления законных наследников, насильно сделал весталкой. Однако через некоторое время она родила от бога войны Марса сыновей-близнецов – Рема и Ромула. Ложный царь приказал утопить младенцев, но, как это часто бывает в сказках, их просто бросили в лесу. Детей вскормила волчица, а позднее нашел и воспитал пастух. Повзрослев, Ромул помог своему деду отвоевать трон, после чего вернулся в лес, очистил холм и основал там новый город, названный в его честь.

По римским обычаям, лес никому не принадлежал и на его территории не действовали человеческие законы. Это

были владения Сильвана – бога священных границ и дикой природы. По мере того, как рос и ширился Рим, власть Сильвана слабела – не только в той области, но и везде, где простиралась Римская империя. Как пишет Роберт Поуг Харрисон в работе «Forests: the Shadow of Civilization»³, в те времена «леса были буквально повсюду: в Италии, Галлии, Испании, Британии, старом бассейне Средиземного моря. Отделенные друг от друга непроходимыми чащами, родственные и городские общины столетиями сохраняли свои границы и своеобразие. Леса препятствовали завоеваниям, объединению, усреднению. Заключенные в плотное зеленое кольцо, поселения придерживались того строя, который существовал в этих местах испокон веков. Сразу за околицей жили духи и божества, фавны и нимфы, характерные именно для этой общины – и никакой другой. Стремясь объединить свою империю, римляне нашли способ проредить или пересечь прежде неприступный зеленый массив: строя мосты, прокладывая дороги, учреждая новые общественные институты и в целом создавая то, что мы теперь назвали бы сетью телекоммуникаций».

Повсеместная вырубка лесов для застройки и сельскохозяйственного использования даже в древности имела последствия для экологии. По мере того, как леса исчезали один за другим, почва утрачивала свое плодородие. Уже в

³ Здесь и далее оригинальные названия приведены у произведений, не имеющих официального перевода на русский язык.

IV веке до н. э. Платон с горечью писал в «Критие» о голых холмах, которые окружили Афины после того, как городские рощи пустили под топор ради строительства кораблей.

Согласно греко-римской традиции, дриада умирала, когда срубали ее дерево. Такое поверье существовало и в отношении других зеленых духов, населявших леса Европы. В некоторых легендах-предостережениях «маленький народ» жестоко мстил людям, потревожившим их жилища; в других историях фея, лишившаяся дома, начинала тихо чахнуть, пока не угасала совсем. Разумеется, когда она погибала, красота и волшебная душа земли умирали вместе с ней.

Лесные духи принимали множество обличий – от изящных греческих дриад до уродливых финских и норвежских троллей. Шведские *swor skogsfru* (лесные жены) выглядели как прекрасные, соблазнительные девушки... но лишь спереди. Вместо спины у них было трухлявое дерево. Итальянские *silvane* (лесные женщины) обручались с *silvani* (лесными мужчинами), чтобы произвести на свет чудесных, покрытых листьями детей. В Англии многие земляные брауни и хобгоблины устраивали свои дома в корнях дуба, а у каждого вида деревьев была собственная фея, которая следила за их здоровьем и ростом. В сказках Восточной Европы встречаются люди из коры, соблазнявшие красивых девушек. Некоторые из них были опасны, а другие оказывались галантными и обходительными любовниками.

Древесные духи легендарного Броселианда (ныне известного как Пемпон) также могли быть и дружелюбными, и зловещими. В одной истории заблудившийся путник набрел на замок посреди леса. Хозяйка дома – прекрасная молодая женщина – не только напоила и накормила его, но и предложила согреть ночью в своих объятиях. От последнего предложения гость вежливо отказался – и, возможно, только благодаря этому остался в мире людей. Проснувшись потру, он обнаружил себя в развалинах, давно заросших мхом.

Также Броселианд известен как лес, где заточен в стволе дуба волшебник Мерлин, обманутый или соблазненный чародейкой Нимуэ. Мерлин – персонаж артуровского цикла легенд, особенно тесно связанный с лесами и их магией. Согласно преданию, после ужасающей битвы при Арфдериде Мерлин потерял разум и долгие годы скитался в лесу – где выучил язык животных и отточил свой дар предсказаний. Похожую историю рассказывают о Суини, ирландском герое, которому из-за проклятия пришлось спастись с поля боя в облике птицы. Как и Мерлин (а также другие шаманские фигуры, ищущие откровения в первозданной природе), он прошел через долгое безумие – и, завершив испытание, обрел власть над лесными существами.

В эпических романах герои уходят в лес, чтобы испытать свою силу, мужество и веру – но порой теряют там рассудок. Такая судьба постигла, например, Орlando – страдающего от несчастной любви героя «Неистового Орlando» Лудовико

Ариосто. Эта рыцарская поэма считается жемчужиной итальянской литературы эпохи Ренессанса. В знаменитой средневековой поэме «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» повествуется о загадочном рыцаре, который прибыл ко двору короля Артура в канун нового года. Его одежды, лицо и даже лошадь были зелены, как листва. В одной руке он сжимал ветвь остролиста, а в другой – топор из зеленой стали. Зеленый человек предложил рыцарям Круглого стола отрубить ему голову – с условием, что если сопернику не удастся его убить, через год тот должен будет приехать в Зеленую часовню и принять ответный удар. Гавейн ответил на этот жестокий вызов, чтобы спасти честь своего короля. Он отрубил Зеленому рыцарю голову, но тот невозмутимо поднял ее и удалился в лес. Год спустя Гавейну пришлось отправиться в Зеленую часовню посреди чащи. Он пережил это испытание, но был осмеян Зеленым человеком, который уличил рыцаря в обмане.

Во французском романе «Валентин и Орсон» императрицу Константинополя, обвиненную в измене, изгнали из дворца, и она родила в лесу двух мальчиков-близнецов. Один из сыновей (вместе с матерью) был спасен аристократом и воспитан при дворе, в то время как другого, по имени Орсон, украла и вырастила медведица. Много лет спустя они случайным образом встретились, сразились и стали побратимами – пока волшебный оракул не открыл их истинное родство. Постепенно дикий близнец вернул себе цивилизованный облик, сохранив при этом первобытную мощь, – однако после

смерти брата ушел обратно в лес. Эта история представляет нам еще один важный архетип – «вудвуза», или дикого человека, примитивного, но могущественного создания, чьи отражения можно встретить в мировой литературе от «Эпоса о Гильгамеше» (в образе Энкиду) до «Тарзана, приемаща обезьян».

«Средневековое воображение было пленено образом дикого человека, – отмечает Роберт Поуг Харрисон, – однако в Средние века он считался отнюдь не плодом вымысла. Время от времени в лесах действительно находили «диких» людей – зачастую пораженных безумием. Если охотники встречали такого человека, они старались поймать его живым и вернуть в город, где его приветствовали как небывалое чудо». Другие известные примеры «диких людей» можно найти в романах Кретьена де Труа «Ивэйн», Якоба Вассермана «Каспар Хаузер» (он основан на реальной истории дикого ребенка, забредшего на рыночную площадь в Нюрнберге в 1829 году) и, конечно, «Книге джунглей» Редьярда Киплинга.

Предания о лесных найденышах – подкатегория легенд о диких людях, хотя в таких историях (например, в «Робине Гуде») герой обычно является цивилизованным человеком, который вследствие жизненной несправедливости вынужден бежать от общества. Истории об отшельниках и разнообразных мистиках составляют другую подкатегорию, а христианские жития нередко повествуют о святых, которые уходили в леса, где питались одним медом и желудями. Опять-таки, эти

легенды подкреплялись реальным опытом, достаточно распространенным в старину среди маргинальных слоев населения. Ведьмы, знахари, вдовы, чудаки и блаженные нередко селились в лесу за деревней – по собственному желанию или вынужденно. Моя пожилая соседка из Девона, Англия, до сих пор помнит безвредного старичка, который во времена ее юности жил в пещере за городом и считался среди местных провидцем.

В представлении немецких романтиков, леса хранили душу мифа и народной культуры – более чистую и правдивую, чем все созданное руками человека. Эрнст Т. А. Гофман, Людвиг Тик, барон Фридрих де ля Мотт Фуке, Новалис и другие писатели вдохновлялись лесами при создании своих сказочных, немного мрачных произведений, опирающихся на мифологические архетипы. В начале XIX века в Германии увидели свет знаменитые сборники сказок братьев Гримм. Многие сюжеты в них включали путешествие в темный лес, которое становилось катализатором чудес и личных трансформаций героя. Благодаря братьям Гримм Европу охватила страсть к собиранию фольклора, народные предания стали неотъемлемой частью популярного искусства, а ученые обратили свой взгляд на устные предания и баллады.

Вдохновившись работами немецких романтиков, шотландский священник Джордж Макдональд начал писать фольклорные истории – например, «Невесомую принцессу» и «Золотой ключ», которые теперь считаются класси-

кой сказочной литературы. В лесах Макдональда мы встречаем говорящие деревья (одновременно притягательные и зловещие), словно прямиком вышедшие из первобытной чащи архетипов. Они составляют часть литературной традиции, простирающейся от деревьев-предсказателей из волшебных приключений Александра Великого до «Леса самоубийц» дантевского Ада и энтов из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина.

Викторианский живописец Эдвард Берн-Джонс и близкое ему «Братство прерафаэлитов» снова и снова возвращались в Архетипический лес в своих полотнах, поэзии и прозе – включая роман Уильяма Морриса «Лес за Гранью мира». На исходе века писатели «кельтских сумерек» – например, ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс – также черпали вдохновение в сумрачных, полных магии европейских лесах. Начало XX века подарило миру целую россыпь волшебных сказок – «Луд-туманный» Хоуп Миррлиз, «Дочь короля эльфов» лорда Дансени и многие другие, – авторы которых, по выражению Дансени, стремились исследовать зачарованные леса «за пределами известного нам мира». Их эстафету приняли три оксфордских преподавателя, входивших в литературное сообщество «Инклинги», – Дж. Р. Р. Толкин, К. С. Льюис и Чарльз Уильямс. Они заложили основы сказочного эпоса в том виде, в котором мы его знаем.

Современные авторы фэнтези столкнулись с непростой задачей: сохранить наследие трех этих писателей, не плодя

их бесконечные бледные подоби́я. Наиболее успешные авторы из числа наших современников (Алан Гарнер, Урсула К. Ле Гуин, Джейн Йолен, Филип Пулман и др.) как раз опираются на мифологический материал, питавший фантазию мастеров прошлого, но при этом выделяются собственным сильным голосом, который не может затмить даже широкая тень профессора Толкина.

Нил Гейман – яркий пример современного мифотворца, которого нельзя упрекнуть во вторичности, даже когда он намеренно отдает дань уважения Дансени, Миррлиз и Кристине Россетти – например, в очаровательном сказочном романе «Звездная пыль». Его действие разворачивается в английских лесах, возле Стены, отделяющей наш мир от королевства фей. Хотя эта история с равным успехом могла быть написана в середине XIX века, ее отличают свежесть и оригинальный авторский взгляд. Немалая заслуга в ее успехе принадлежит и художнику Чарльзу Вессу, чьи волшебные иллюстрации украсили первое, графическое издание романа. Леса, созданные воображением этого талантливого дуэта, отнюдь не абстрактны. В остроумной, но изящной прозе Геймана и рисунках Чарльза Весса, продолжающих традиции Артура Рэкхема, легко угадываются характерно английские – и при этом архетипические – леса, наполненные настоящей магией.

Та же атмосфера отличает и японский анимационный фильм «Принцесса Мононоке», английский сценарий кото-

рого адаптировал Нил Гейман. Это глубоко фольклорная работа, в которой наглядно показана вся мощь и ужас мифического леса. Пожалуй, самое глубокое погружение в него совершил Роберт Холдсток, чьи романы «Лес Мифаго» и «Merlin's Wood» я настоятельно рекомендую к прочтению.

Чарльз де Линт работает в пограничном жанре магического реализма, воплощая древние архетипы мифологического леса в декорациях современного города – например, в книгах «Forests of the Heart» и «Зеленая мантия». В романе «The Wild Wood», вдохновленном живописью Брайана Фрауда, де Линт приглашает нас в леса северной Канады, где, как и в старых шаманских преданиях, магия и безумие ходят рука об руку.

Пожалуй, леса Патриции Маккиллип – самые уютные в современной литературе фэнтези; я горячо рекомендую ее романы «Winter Rose», «The Book of Atrix Wolfe» и «Stepping from the Shadows». Также внимания заслуживают: «World without End» и его продолжение «Sea without a Shore» Шона Рассела; «Rumors of Spring» Ричарда Гранта; «Engine Summer» Джона Краули; «Слово для «леса» и «мира» одно» Урсулы К. Ле Гуин; «Cloven Hooves» Робин Хобб (под псевдонимом Мэган Линдхольм); «The Stone Silenus» Джейн Йолен; «Enchantments» Орсона Скотта Карда и «Томас Рифмач» Эллен Кашнер. Действие некоторых рассказов из замечательных сборников «Кровавая комната» Анджелы Картер и «Красны, как кровь» Танит Ли разворачи-

ется в соблазнительно-мрачных лесах, чья магия несет легкий фрейдистский оттенок. Если же вас больше привлекает атмосфера американских лесов, советую обратиться к романам «Wild Life» Молли Глосс, «Nadya» Пэт Мэрфи, «The Flight of Michael McBride» Мидори Снайдер и «Power» Линды Хоган.

Мифический лес издавна вдохновлял и художников. Помимо книг уже упоминавшегося Чарльза Весса, обязательно загляните в графические альбомы двух английских скульпторов – Энди Голдсуорти («Wood») и Питера Рэнделл-Пейджа («Granite Song»), шотландского фотографа Томаса Джошуа Купера («Between Dark and Dark»), английского художника Брайана Фрауда («Good Faeries/Bad Faeries» и «Феи. Энциклопедия» в соавторстве с Аланом Ли), а также знаменитых живописцев «золотого века иллюстрации» – Артура Рэкхема, Кая Нильсена и Эдмунда Дюлака.

Для дальнейшего знакомства с Зеленым человеком, лесным фольклором и природной мифологией рекомендую следующие книги: «Белая богиня» Роберта Грейвса, «Green Man» Уильяма Андерсона и Клайва Хикса, «The Wisdom of Trees: Mysteries, Magic and Medicine» Джейн Клиффорд, «Celtic Sacred Landscape» Найджела Пенника, «A Dictionary of Nature Myths» Тамры Эндрюс, «Forests: The Shadow of Civilization» Роберта Поуга Харрисона, «Meetings with Remarkable Trees» Роберта Пэккенхема, «Discovering the Folklore of Plants» Маргарет Бэйкер, «The Practice of the

Wild» Гэри Снайдера, «The Spell of the Sensuous» Дэвида Абрама и «The Power of Myth» Джозефа Кэмпбелла.

Любой лес является мифическим; мы заходим в него каждый раз, когда вступаем под сень деревьев. Здесь живет Зеленый человек, которого называют самыми разными именами по всему свету. В шелесте листвы по-прежнему слышится голос Оракула, а дуб служит домом для фей... или, по крайней мере, сказок про них. В Калифорнии до сих пор можно найти пихты, которым насчитываются тысячи и тысячи лет. О чем эта книга? О деревьях – древних, уходящих корнями глубоко в перегной и все же каждую весну рождающих новые зеленые листья.

Нил Гейман

Уйду в леса

Отброшу плащ, очки, рубашку, книгу —
Всю жизнь свою, как палую листву, —
И в лес уйду, питаться диким медом
И ледяной водой из родника.

У дуба шире десяти объятий,
Где мох усеян каплями росы,
Я наберу орехов, яблок, ягод —
И домом это место назову.

Безумцы, жизнь пройдя до половины,
Себя находят в сумрачном лесу.
Теперь лишь ветер шепчет мое имя,
А кожа служит картой всех путей.

Где разум мой? Да там же, где ботинки.
Босой, больной, блуждаю меж ветвей —
Назад к корням, к шипам, к побегам, к почкам...
Мой шаг дрожит, и лес дрожит со мной.

Сверну с тропы пустых, ненужных слов
На путь лесной, живым молчаньем полный.
Взойдет над миром солнце — и во рту

Распустится бутоном тишина.

* * *

Нил Гейман – коренной британец, сейчас живущий на американском Среднем Западе. Его перу принадлежит знаменитая серия графических новелл «Sandman» («The Sandman. Песочный человек»), а также романы «Neverwhere» («Никогде») и «American Gods» («Американские боги»). Вместе с художником Чарльзом Вессом Гейман работал над графическим романом «Stardust» («Звездная пыль»), а вместе с Терри Пратчеттом – над книгой «Good Omens» («Благие знамения»).

Также Нил Гейман известен как поэт и автор многочисленных рассказов. Некоторые из них публиковались в сборниках сказок для взрослых Эллен Датлоу и Терри Виндлинг и антологиях «The Year's Best Fantasy and Horror» («Лучшее за год: Мистика. Магический реализм. Фэнтези»). Его короткая проза собрана в книгах «Fragile Things» («Хрупкие вещи»), «Smoke And Mirrors» («Дым и зеркала») и «Trigger Warning» («Осторожно, триггеры»).

Сайт Н. Геймана: www.neilgaiman.com

От автора

В средневековой европейской мифологии встречается «вудвуз» или «вудхаус» – дикий человек, живущий в лесах. Иногда его ассоциируют с легендарным Зеленым человеком. Это стихотворение родилось из размышлений о том, как мог бы выглядеть современный «вудвуз», и традиционных изображений Зеленого человека как мужчины с человеческим лицом, изо рта которого прорастают листья.

Делия Шерман

Центральный парк

В детстве я никак не могла взять в толк, почему деревья, растущие вдоль дорожек, окружены железными оградами. Даже ребенку, никогда не видевшему настоящего леса, было понятно: эти милые и слабые деревца просто не могут сделать ничего плохого. За что же их тогда посадили в клетки? И если они это все-таки заслужили, не опасно ли подходить к ним слишком близко?

Такие мысли приходят в голову только малышам, которые учатся во втором классе. Только они могут всерьез обсуждать с друзьями, зачем запирают на замок деревья, как найти на карте город, если даже примерно не знаешь, где его искать, и почему старшеклассники, заслышав фамилию миссис Топинамбур, начинают истерически смеяться.

Мою лучшую подругу звали (да и сейчас зовут) Галадриэль – но это, конечно, не ее вина. Ее так называет только мама, а для остальных она просто Эльфа. Но я не об этом, а о деревьях. В Нью-Йорке. Я уже упоминала, что живу в Нью-Йорке? Да-да, на Западном берегу, недалеко от Центрального парка.

Я всегда любила Центральный парк. Для ребенка вроде меня, выросшего на Манхэттене, это была единственная

возможность погулять на природе. Честно говоря, я и сейчас предпочитаю именно такую природу. Здесь есть все, что можно найти в настоящем лесу: камни, цветы, деревья. Даже белки, голуби и прочая живность водится. Правда, все они – городские, привыкшие жить бок о бок с людьми. Это не делает их ручными, скорее – умудренными опытом. Вот вам пример: белки. Видели вы когда-нибудь сбитую белку на дорожках парка? А на пригородных дорогах? Понимаете теперь, о чем я?

Еще в Центральном парке живет магия. Это не я придумала, это чистая правда. Как только мама начала отпускать меня подальше, я нашла себе отличное место для игр: возле Пруда, в маленькой бухте у подножия огромного утеса. Стоило там спрятаться, как прочий мир словно исчезал: оставалась только вода. Она сияла и переливалась, будто подол украшенного блестками шелкового платья. Позади высилась серая каменная громада, а прямо надо мной склонялась ива, окуная в воду свои золотисто-зеленые косы. Если сидеть тихо-тихо, с берега доносился шум, плеск, смех и обрывки разговоров, но людей разглядеть не получалось. Зато можно было увидеть фею, которая прилетала со мной поиграть.

Мама говорит, что фею я придумала сама: такое часто случается с детьми, у которых нет братьев и сестер и которые слишком много читают. Но поверьте, будь это так, моя воображаемая подружка оказалась бы куда менее проказливой. Фея была крохотной, с продолговатыми стрекозиными кры-

лышками и ни секунды не могла усидеть на месте. Она соглашалась играть со мной в принцесс или Питера Пэна, но через пару минут теряла терпение и начинала дергать за волосы. Еще она дразнила меня: называла огромным, глупым, глухим и слепым человечиком. Иногда, заскучав, фея разговаривала с камнями и ивой: бабочки и те были для нее слишком медлительны.

Я перестала в нее верить – или просто перестала видеть фей, – когда мне исполнилось восемь. Но тогда это меня ни капли не расстроило, потому что мы подружились с Эльфой. Она меня почти не дразнила. Правда, и в фей тоже не верила, зато любила читать. Чем старше мы становились, тем больше была моя благодарность за эту дружбу. Понимаете, мисс Популярность – это не про меня. Я любила литературу и не любила спорт – уже достаточно, чтобы заслужить репутацию гика. Добавьте сюда очки и насущную потребность сбросить несколько килограммов (не спрашивайте, сколько именно – я вам все равно не скажу!). Словом, школьный обед в моем обществе любого сделал бы мишенью для насмешек. Эльфа со мной и не обедала. Зато мы вместе гуляли после занятий, а остальное меня не волновало.

Бухточка, где я играла в детстве, была нашим укромным местом. Там мы обсуждали преподавателей (интересно, учитель французского ненавидит лично меня или всегда такой злой?) и одноклассников (думаешь, Патти Грегг действительно крутая или просто задирает нос?). Летом можно было

сбросить туфли и опустить ноги в воду, которая шелестела вокруг ивовых корней.

Все это случилось, когда мы, как обычно, сидели в нашем укрытии и болтали. Стояла осень, мы только что перешли в одиннадцатый класс и в тот момент обсуждали парней. Хотя правильнее будет сказать, что это Эльфа говорила о своем парне, а я просто кивала в нужных местах. Наверное, я отвлеклась, потому что поймала себя на размышлениях о фее, с которой дружила в детстве. Как же ее звали? Колючка? Злючка? Нет, это было какое-то цветочное имя... Вдруг что-то кольнуло меня в затылок – будто кто-то из всех сил дернул за волосок. Я вскрикнула и провела рукой по больному месту.

– Извини, это комар. Так что сказал твой парень?

Странно, но Эльфа вдруг потеряла интерес к разговору. На лице ее появилось выражение крайней сосредоточенности, какое бывало, когда она прислушивалась к дыханию младшего брата из соседней комнаты.

– Ты слышала? – прошептала она.

– Слышала что?

– Тс-с!

Я прислушалась. Тихо шлепали о берег волны, вдалеке скрипели уключины, откуда-то доносились крики, смех и плеск. Шелестел ветер в листьях ивы.

– Ничего не слышу.

– Да помолчи же! – прошипела Эльфа. – Ты его пропусти-

ла. Щелканье. Вон оттуда доносится.

В ее голубых глазах читался страх.

– Ты пытаешься меня напугать, – сообразила я. – Начиталась про женщину, которую ограбили в парке, и теперь решила меня разыграть. Вот спасибо!

Эльфа, кажется, обиделась.

– Неправда! – она была напряжена, как собака, которая увидела голубя. – Сейчас, слушай!

Я наострила уши. Внезапно наступила полная тишина. Смолк даже шепот листьев.

– Ой-ой-ой, – выдохнула Эльфа. – Только не оборачивайся, но, по-моему, там кто-то стоит и на нас смотрит!

Меня будто холодом обдало. Я вроде как и не хотела ей верить, но тело поверило сразу.

– Клянусь, если ты врешь, я тебя прибую! – Я обернулась, чтобы проследить направление ее взгляда. – Где он? Ничего не вижу.

– Я же сказала, не смотри! Он заметит!

– Уже заметил, если он, конечно, не полный идиот. В любом случае здесь никого... Ой!

И тут я увидела. Из-за скалы выглядывал парень в шерстяной шапчонке. Лицо его было каким-то серым, на щеках – щетина. Но главное, он был там... не все время. Я не отводила взгляда, но упорно не могла понять, что вижу: то ли человека, то ли чей-то дождевик, сброшенный ветром на куст. Сердце заколотилось как бешеное. Из нашего укрытия

без лодки можно было выбраться только двумя путями.

– Увидела теперь? – прошептала Эльфа. В голосе ее слышался триумф.

– Вроде того.

– И что будем делать?

Когда я позже вспоминала этот момент, то не могла решить, действительно она испугалась или только притворилась, потому что пугаться – здорово. Но тогда я ей поверила. Этот человек перекрывал нам выход на тропинку, так что мы могли сбежать от него только вверх по утесу. Я не спортсменка и боюсь высоты, но странных людей я боюсь еще больше, поэтому мы решили лезть на вершину.

Никогда не забуду, как мы поднимались. Не хочу об этом говорить. Тогда казалось, что подъем меня прикончит. А еще я ужасно злилась на Эльфу, как будто, если бы она не заметила того парня, его бы там и не оказалось. Пот лился градом, очки постоянно съезжали с носа и... Нет. Не будем об этом. Вам надо знать только, что Эльфа добралась до верха первой и легла на живот, чтобы протянуть мне руку.

– Скорее, – выдохнула она. – Он позади тебя. Нет, не оборачивайся!

Ха! Будто бы я нашла в себе силы обернуться!

– Скорее!

Я совершенно выдохлась, когда наконец вскарабкалась на утес и поднялась на ноги, но Эльфа даже не дала мне перевести дух – сразу схватила за руку и, спотыкаясь, потащила к

дорожке. Тут я и поняла, что творится что-то странное. Сами посудите: середина ясного воскресного дня, а вокруг ни души. Обычно в это время здесь как на Таймс-сквер, только деревьев побольше! А еще я почему-то не могла бежать – так обычно бывает во сне.

Неожиданно Эльфа споткнулась и выпустила мою руку. На мгновение дорожка будто раздвоилась, и я осталась совершенно одна. Страшно было до чертиков. Обернувшись, я увидела, как наш преследователь переваливается через край утеса: шапка сползла на затылок, лицо вымазано в грязи, во рту недостает половины зубов. Не знаю, почему я тогда не закричала – обычно мне и меньшего достаточно. Но в этот раз я просто повернулась и бросилась бежать. Я надеялась кого-нибудь встретить – ведь в парке по воскресеньям бывает столько людей! Свидетели бы отпугнули этого человека. Но нет.

Поэтому я бегу и бегу, и слышу позади его дыхание, но почему-то не слышу шагов. Где же, черт побери, этот Пруд, пора бы ему появиться, кажется, я бегу уже целую вечность, никогда так не бегала, но на кону моя жизнь... Кажется, он догоняет, так не лучше ли остановиться, сдаться, что угодно, лишь бы это закончилось, – но тут в голове всплывает имя той феи, и я из последних сил кричу:

– Живучка, помоги!

Держу пари, вы уже решили, что это вправду помогло. Я и сама в это верила, но ничего не случилось. И тогда я рас-

плакалась. Задыхаясь и заливаясь слезами, я взбежала по какой-то лесенке и оказалась на маленькой поляне: скамейка, деревья вокруг, невысокая стена с одной стороны и крутой обрыв с другой. Преследователь расхохотался – если так можно было назвать урчание где-то в глубине его глотки, – а я неожиданно для себя развернулась, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Если бы у меня оставались силы, я бы удивилась. Потому что у него оказался острый крысиный нос и длинные зубы, которые торчали изо рта. Шапку он где-то потерял, и теперь стали видны его уши: серые и кожистые, будто крылья летучей мыши. А его кожа... Она была не грязной, а просто серой, как асфальт. Это было невозможно, и все же он стоял передо мной – наполовину человек, наполовину крыса. Я тихо охнула. Он сверкнул зубами и раскрыл пасть.

– Глодай! – неожиданно воскликнул кто-то. – Угомонись!

Я подпрыгнула от неожиданности и на секунду отвела глаза от преследователя. А когда снова на него взглянула, та девушка уже стояла рядом. Крысюк сложился в земном поклоне, едва не касаясь носом ее сапожек. Она была одета во все оттенки зеленого. Вельветовая мини-юбка, блестящая футболка, кожаная куртка – оливковый, темно-зеленый, травяной. Волосы у нее тоже были с прозеленью. Заплетенные в тысячу тонких косичек, они гривой спускались ей на спину. Даже смуглая кожа – и та отливала зеленью.

А еще она была очень красива. Не как какая-нибудь ак-

триса или модель. Нет, она была *прекрасна*. Бритни Спирс рядом с ней показалась бы дурнушкой.

– Что стряслось? – спросила девушка у крысюка, и я удивилась еще больше. Говорила она как обычная девчонка, но вот голос... Я могла различить в нем шум листвы. Знаю, звучит глупо, но так и было.

– Кошки – мышки, мышки – людишки! – ответил он. – Играть! Она меня видела. Теперь она моя!

– Может быть, – задумчиво сказала девушка. – Вот только она знает про Живучку.

Тут я наконец смогла выдавить из себя пару слов. Конечно, стоило бы вмешаться раньше, но я так выдохлась, пока бежала по парку, к тому же была ужасно перепугана... Что со мной хотел сделать Глодай, я не знала – и не стремилась узнать. Если знакомство с Живучкой поможет мне выпутаться, стоит рассказать о нем поподробнее.

– Еще бы, – выдохнула я. – Мы с Живучкой сто лет как друзья!

И тут же пожалела, что вообще открыла рот, потому что девушка посмотрела на меня в упор. Ох, какая же она была страшная! Не из-за волос или рокерской одежды, даже не из-за огромной белки, которую я только сейчас заметила у нее на плече. Просто взгляд у нее был тяжелый, будто я сморозила страшную глупость.

– Пожалуй, лучше мы о вашей дружбе спросим у самой Живучки. Если она скажет, что вы подруги, будешь жить.

Нет – отдам тебя Глодаю, пусть поиграет. Договорились?

«Не договорились!» – подумала я, но вслух ничего не сказала. Повисла долгая пауза: все вокруг стихло, и я вдруг услышала доносившийся издалека шум машин. Сердце колотилось где-то в горле. Глодай облизнулся – мерзкое зрелище! – а белка соскользнула с плеча девушки и устроилась у нее на скрещенных руках. Честно говоря, я до сих пор не уверена, что это была белка. Некоторые собаки и те поменьше!

Я уже говорила, что была до чертиков напугана? Никогда раньше ничего подобного не испытывала. Глодай мог сделать со мной что-то ужасное, но я боялась не его. Вернее, не только его. Девушка в зеленом была куда хуже. Понимаете, я тогда только и думала что о феях. Разглядывала артбуки Брайана Фрауда, три раза смотрела в кино «Волшебную историю» и бесконечно жалела, что больше не встречала фею, с которой познакомилась в детстве. Я думала, что знаю о них все. Но передо мной стояло создание, которого не было ни в одной из моих умных книжек. Кожаная куртка, косы и глаза цвета мха. Она была настоящей! И больше всего мне хотелось убежать от нее прочь. Или заплакать. Но ни того, ни другого я себе позволить не могла. Оставалось просто стоять там на подгибающихся ногах и надеяться, что Живучка сейчас появится.

Тут что-то коснулось моих волос. Я подняла было руку, чтобы отмахнуться, но вдруг поняла – это Живучка! Так что

я не стала замахиваться, а вместо этого почесала ухо. И сразу услышала тонкий звук: будто кто-то трубил в маленький рожок. Это был смех. Я рассмеялась в ответ.

– Видишь? – сказала я девушке, воробью, который сидел у нее в волосах, точно огромная заколка, и даже белке. – Она меня помнит.

Девушка молча вытянула руку. Потревоженная белка снова вскарабкалась ей на плечо, а Живучка подлетела ближе и присела на раскрытую ладонь. Теперь, когда я могла ее разглядеть, оказалось, что маленькая фея выглядит старше, чем раньше. Хотя чему тут удивляться – я ведь тоже повзрослела.

– Тебе знакома эта смертная? – спросила девушка у Живучки. Теперь она говорила совсем иначе: не как девчонка с соседней улицы, а как взрослая женщина, которая обращается к ребенку.

Живучка кивнула:

– Да. Была. Давно. Сейчас она и знать меня не хочет.

Я рано расслабилась – девушка снова подняла на меня глаза. Пришлось выдавить улыбку. Живучка была права: если бы я рассказала о ней, меня бы подняли на смех. Даже Эльфа – а она вообще-то очень терпелива – и слышать не хочет про фею из моего детства.

– Извини. Я знала, что ты настоящая, просто стеснялась об этом говорить.

Девушка вдруг улыбнулась Живучке: будто солнце выглянуло из туч.

– Толстушка так говорит, чтобы я не скормила ее Глодаю.

Я обмерла. Живучка, которой наскучил этот разговор, уже успела взлететь в воздух и сделать надо мной пару кругов. Затем она спикировала вниз, дернула меня за волосы и приземлилась на плечо.

– Она ничего. И я люблю ее дразнить.

– Нечестно! – рявкнул Глодай.

Но девушка только пожала плечами.

– Правила тебе известны. Живучка за нее поручилась. Теперь убирайся. Надоел уже.

И он действительно убрался. Честное слово, я была так рада! Глодай – это воплощенный кошмар, уж поверьте. Но он ушел, а я от радости никак не могла замолчать, все говорила и говорила и благодарила Живучку за помощь.

– Серьезно, спасибо тебе преогромное! Я тебе так обязана.

– Ага, – кивнула она в ответ. – Я знаю.

– Мне ты тоже обязана, – неожиданно вмешалась девушка.

Не знаю, с чего она это взяла – учитывая, что минуту назад Глодай был готов меня сожрать, а она не возражала. Но если я чему-то и научилась из своих книжек, так это тому, что в Волшебной стране лучше не перечить разным Важным Персонам. А в том, что девушка из их числа, не было никаких сомнений. Поэтому я промолчала.

– Семь месяцев службы, – продолжала она тем временем

как ни в чем не бывало. – Этого будет вполне достаточно. Ты умеешь петь? Сейчас мне по вкусу сальса, но джаз или регги тоже пойдет.

Я даже рот открыла от удивления. Она что, спятила? Да родители меня убьют, если я на семь месяцев пропаду из дома.

– Не поешь? – голос ее вдруг стал очень мелодичным, он завораживал, словно журчание воды или шепот деревьев. Глаза сияли, как подсвеченные солнцем листья. На земле не было создания более прекрасного – и как же тяжело было прислушиваться к ее словам: хотелось лишь любоваться этой красотой.

– Не пою.

– Может быть, танцуешь?

Я помотала головой.

– Тогда что ты умеешь?

Это был легкий вопрос.

– Ничего. Я абсолютно бесполезна. Мама тебе может это подтвердить. И не только она.

Прекрасное лицо девушки вдруг стало пустым и невыразительным.

– Я приказала Глодаю убратся. Но у него есть братья и сестры. Ты станешь для них отличной игрушкой.

Знаете, как бывает – если сильно пугаешься, совершенно перестаешь соображать? Со мной именно это и случилось. Не успела я задуматься, что делаю, как вдруг услышала соб-

ственный голос:

– Ты сказала, я теперь под защитой. Хоть ты и Королева фей, а слово свое держи!

Я думала, она придет в ярость, но ответом был только смех. Она все смеялась и смеялась, так что я даже начала злиться. Ничего смешного в моих словах не было! Но тут она словно начала уменьшаться и раздаваться в ширину; волосы обвил шарф, а в руке возникла сигарета. Вместо прекрасной девушки передо мной стояла тетушка откуда-нибудь из Бронкса. Даже голос поменялся:

– Королева фей! Елки-иголки, ну ты и сказанула! Послушай, детка. Мы больше не в старой доброй Англии. Мы в Нью-Йорке. В славных Штатах. Здесь королев не бывает.

Признаюсь, в этот момент я совсем запуталась. Кто знает, что она сделает дальше? Превратит меня в голубя? Ну уж нет. Настал мой звездный час. Не зря я столько прочитала про фей и эльфов! Если буду держать себя в руках – смогу выпутаться.

– Ну конечно, – ответила я. – То-то этот крысенок так тебе кланялся! Можешь называть себя как угодно, но ты – Королева фей.

Сигарета и шарф вдруг исчезли: она снова стала девушкой в зеленом.

– Так-так. Толстушка у нас самая умная. Во всем разобралась. Что ж, я считаю, что ты мне кое-чем обязана, а ты не хочешь платить по счету. Пожалуй, я могла бы тебя заста-

вить, но не стану, – она опустилась на скамейку, устраиваясь поудобнее. Белка соскочила со своего насеста и рыжей молнией устремилась к деревьям. – Садись же. Возьми!

Клянусь вам, с этими словами она протянула мне банку диетической колы! Не знаю, откуда она взялась, но пузырьки внутри шипели так заманчиво. Я вдруг поняла, что ужасно хочу пить, и уже потянулась было к...

– Нет, спасибо. Я не хочу.

– Не может быть! – она, кажется, обиделась. Во рту у меня было сухо, как в пустыне Сахара, но я точно знала: если хочешь выбраться из Волшебной страны, ничего не ешь и не пей.

– Спасибо, не стоит, – повторила я.

– Ну что же, сказки ты читала, – сказала она презрительно. – Что теперь? Будешь просить три желания и горшочек с золотом? Валяй. Три желания. Проси что хочешь.

К этому я была готова. Еще в шестом классе я четко сформулировала три желания на случай, если вдруг встречу фею, которая их исполняет. Все правила были соблюдены. Нельзя просить о дополнительных желаниях. Нельзя требовать денег. Безопаснее всего сначала пожелать чего-то на благо общества, тогда остальные два можно потратить на себя. Поэтому я решила, что загадаю порядочность, хорошую память и стопроцентное зрение (я читала про фей, а не про лазерную коррекцию, поэтому ничего о ней не знала). Так что я уже открыла было рот, чтобы попросить обо всем этом (кро-

ме, может быть, зрения. Лучше пожелать нормальную фигуру), когда поняла, что Королева выглядит чересчур довольной для феи, которую обвели вокруг пальца. Будем откровенны: право загадывать желания надо было сначала заслужить. А я ничего не сделала. Разве что отказалась от газировки.

– Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь. Можно мне уже домой?

Тут она все-таки разозлилась. В глазах у нее заплясали искры, а косички медленно поднялись в воздух вокруг головы, сделав похожей на Медузу Горгону.

– Мне сегодня категорически везет, – прошипела она. – Ты гораздо умнее, чем кажешься. Хотя, – тут ее косы снова легли на плечи, – победа ничего не стоит, если достается легко, верно?

Я не могла ей ничего ответить, потому что побеждать мне не приходилось. Вот только сегодня я собиралась идти до конца. Пусть она считает меня глупой. Так даже лучше.

– Знаешь что, – предложила я, – давай сыграем во что-нибудь. Ставкой будет моя свобода.

– Ставка принята, – отозвалась она. – Только во что мы будем играть? Загадки подошли бы, но ты наверняка знаешь ответы. К тому же это самая скучная игра в мире. Как насчет «Правда или действие»?

– Ненавижу ее.

Я правда ее ненавижу. Единственный раз, когда мы игра-

ли в «Правда или действие», я чувствовала себя так, будто загораю без купальника на переполненном пляже.

– Вот как? – мой ответ ее не смутил. – Это моя любимая игра. Решено! Играем в «Правда или действие». Правила простые: задаем друг другу неудобные вопросы, кто откажется отвечать, тот и проиграл. Договорились?

Мне снова захотелось закричать: «Не договорились!» Откуда мне знать, каким вопросом можно смутить Королеву фей? С другой стороны, ей наверняка мало известно о людях. Да и выбора особого не было. Поэтому я кивнула.

– Хорошо, тогда я начну.

Кто бы сомневался! Конечно, она начнет, она ведь Королева Центрального парка. Вопрос не заставил себя ждать:

– Так сколько ты там вешишь?

Понимаете, в чем дело: никто не знает, сколько я вешу. Ни Эльфа, ни даже мама. Это секрет, известный только мне и школьной медсестре. Лучше умереть, чем раскрыть его. Но если выбирать между насмешками Королевы и семью месяцами в Центральном парке... Конечно, я ответила! Да еще и накинула полкило – за хот-дог и пончик, которые съела утром.

– Ничего себе! – присвистнула она. – Настоящая маленькая свинка!

Это меня задело, но не так, чтобы я вышла из себя и потеряла контроль. Вместо этого я начала думать над вопросом, но ничего не приходило в голову. Королева покачивала но-

гой, на лице ее читалось нетерпение. Надо было сказать хоть что-нибудь.

– Так почему ты живешь в Центральном парке? – выпалила я. – Есть же места и получше.

– Я победила, – ответила она. – Это не неудобный вопрос.

– Еще какой неудобный, – не сдавалась я. – Ты ведь живешь в Центральном парке, а не в Стоунхендже! Отвечай или отпускай меня домой.

– Ну хорошо. Центральный парк – это сердце города. Людей как на Центральном вокзале, только они никуда не спешат. Нет, здесь все стараются остаться подольше. Играют, обнимаются, целуются и делятся секретами, дерутся и плачут. Каждый камень и каждое дерево в Центральном парке пропитаны любовью, ненавистью, печалью и страстью. Мне это по вкусу.

Я уставилась на нее в изумлении. В моих книжках про фей ничего такого не было! Тем временем она продолжала:

– Ты думаешь, я ничего не знаю о людях. Но это не так. Стоит мне захотеть, и я узнаю все. Ответы на контрольную, которая будет на следующей неделе. Самый страшный секрет Патти Грегг. Имя твоей родной матери. Хочешь все это узнать?

Я не ожидала этого вопроса, но он был очень неудобным и вполне отвечал правилам игры. Вот только ответить на него было легче легкого. Конечно, я хотела бы знать обо всем этом, особенно о своей биологической матери. Ее имя ме-

ня интересовало больше всего на свете! Поймите правильно: мои родители ничего, они любят меня и все такое, но редко по-настоящему понимают. Я всю жизнь чувствовала себя не на своем месте, как подменыш из волшебного народца в человеческой семье. Что угодно отдала бы, чтобы узнать, кем была моя родная мама, как она выглядела и почему от меня отказалась. Конечно, следовало бы ответить Королеве «да». Но тут меня что-то кольнуло за правым ухом. Я совсем забыла, что на плече у меня сидит Живучка, – не думала, что она сможет оставаться на одном месте так долго. Я потеряла больное место и поняла: это вопрос с подвохом. Конечно, я хочу узнать о матери. Но чтобы мне рассказала о ней Королева фей? Нет, увольте. О таком не спрашивают того, кто только и ищет возможности тебя унижить.

– Отвечай же! – поторопила меня девушка. – Или сдавайся. Мне начинает это надоедать.

Я глубоко вздохнула.

– Не так быстро. Мне нужно было подумать. Ответ: и да, и нет. Я хочу узнать, кто моя родная мама, но не хочу, чтобы мне рассказывала о ней ты.

Она кивнула:

– Хорошо, такой ответ считается. Спрашивай.

Подумать над чем-то действительно каверзным она мне не даст, это я поняла сразу. Королеве нужна была победа. Она явно хотела сбить меня с толку, чтобы тот единственный вопрос, на который она не ответит, так и не пришел мне в

голову – даже если я читала о нем в своих умных книжках.

– Как тебя зовут?

Это был самый очевидный вопрос, правда? Самый простой. Под стать такой глупышке, какой она меня считала.

– А ты угадай, – быстро ответила девушка.

– Это из другой сказки, – возразила я. – Давай. Отвечай, или проиграешь.

– Ты хоть понимаешь, о чем просишь?

О да, я понимала. Повисла тишина – такая долгая, что, казалось, больше уже никогда не запоют птицы, не зашуршит ветвями деревьев ветер. Девушка в задумчивости прикрыла рот рукой, а потом начала обкусывать ногти. Мы обе знали: каким бы ни был ответ, я уже выиграла. Назовет имя – и я получу над ней власть. Промолчит – проиграет. Окажись я на ее месте, мне было бы легче выбирать. Но она Королева, а королевы не любят проигрывать.

Я наблюдала за ней и боролась с желанием отпустить какую-нибудь язвительную шутку. Поменяйся мы местами, она не преминула бы добить соперницу. И все же я молчала. Да, мне случалось бывать и грубой, и жестокой, причем не всегда после этого меня мучила совесть. Но передо мной сидела Королева фей. Вдруг она разозлится и все-таки превратит меня в голубя? К тому же девушка на скамейке сейчас выглядела такой *обычной*. Она грызла ногти, вздыхала и была встревожена, как будто ей, а не мне, предстояло семь месяцев провести в услужении. Когда удача была на ее сто-

роне, она выглядела лет на двадцать: красивая, жесткая, пугающая. У нее все было под контролем. Теперь она казалась совсем девчонкой. Как знать, может, для нее на кону что-то большее? Вдруг я и правда не понимаю, о чем прошу?

Над правым ухом раздалось тихое хныканье: Живучка была расстроена. И в этот момент чувство триумфа покинуло меня. Вдруг стало совершенно неважно, кто из нас победит в дурацкой детской игре. Мне хотелось только одного: чтобы все это побыстрее закончилось.

– Послушай, – начала я, и девушка подняла на меня печальный взгляд. Глаза цвета мха были подернуты пеленой слез. Мне пришлось набрать побольше воздуха в грудь, прежде чем продолжить: – Давай прервем игру?

– Мы не можем просто взять и все бросить. Раз начав – закончи. Таковы правила.

– Хорошо. Тогда мы закончим прямо сейчас. Объявляю ничью. Ты больше не обязана отвечать на мой вопрос. Победителя не будет. Проигравшего – тоже. Вернемся к тому, с чего начали.

– С того, что за тобой гнался Глодай? Я тебе помогла, ты должна за это заплатить.

Я обдумала слова девушки. Она сидело тихо, не пытаясь меня торопить.

– Тогда поступим иначе. Этот вопрос для тебя хуже смерти, так? Я освобождаю тебя от необходимости отвечать – в уплату за то, что ты освободила меня от Глодая, чьи игры –

хуже смерти. Все честно.

Она убрала руки от лица и закусила губу. Потом посмотрела на небо и деревья вокруг. Подергала себя за косичку... И вдруг улыбнулась, а потом рассмеялась. В этом смехе не было злобы – только чистая детская радость.

– Ух ты! – воскликнула она, и голос ее был теплым и мягким, словно кроличий мех. – Все верно. Прекрасно!

– Круто. Теперь-то я могу уже идти?

– Подожди минутку, – она склонила голову набок и улыбнулась. Я не могла не улыбнуться в ответ – так мне стало хорошо и легко на душе от ее взгляда. Казалось, будто пригрело солнце, а я лежу на пляже и рассказываю сказки Эльфе.

Королева будто прочитала мои мысли.

– Ты умеешь сочинять отличные истории, – сказала она. – И должна их записывать. Теперь насчет желаний. Во-первых, это не по моей части, и ты это знаешь. Во-вторых, у тебя все это уже есть. Ты помнишь самое важное, отлично видишь суть вещей и более чем добропорядочна. Но я все равно хочу тебе что-нибудь подарить.

Она на секунду задумалась, легонько постукивая себя кончиком пальца по носу.

– Придумала. Ты готова?

– Вроде того, – ответила я. – А к чему?

– Это сюрприз. Но тебе понравится. Вот увидишь.

Королева поднялась на ноги. Я тоже встала со скамейки. Живучка слетела с моего плеча и, поблескивая крылышка-

ми, устроилась среди коричневато-зеленых кос. А потом Королева наклонилась ко мне и поцеловала в лоб. Ощущение было такое, будто меня коснулся порыв теплого ветра. Затем она приложила палец к моим губам и исчезла.

– Вот ты где! – раздался позади знакомый голос.

Это была Эльфа. Волосы у нее растрепались, куртка порвалась, а лицо покраснелось от бега. Она едва переводила дух, но все же продолжила:

– Я тебя везде искала. Чуть с ума не сошла от страха! Мне показалось, что ты вдруг растаяла в воздухе.

– Я просто заблудилась. Но все уже хорошо. Присядь, ты ужасно выглядишь!

– Ну спасибо на добром слове, – она опустилась на скамейку. – Что с тобой стряслось?

Если честно, мне очень хотелось рассказать правду. Она ведь моя лучшая подруга и все такое. Мы беседовали обо всем на свете. Но не о Королеве фей же! Я по-прежнему чувствовала ее прикосновение: тепло на лбу и холод на губах. Затем я опустила взгляд на свои руки – грязные и расцарапанные, один ноготь сломан.

– Ты точно в порядке? – встревожилась Эльфа. – Он же тебя не поймал? Ох, лучше бы мы вообще сюда не ходили.

– Все в порядке, он меня не догнал.

– Правда?

– Правда.

Все действительно было в полном порядке.

– Ладно, – сказала она. – Очень хорошо. Я ужасно волновалась. Кажется, мы тут целую вечность бегали!

– Точно. И теперь я страшно хочу пить.

Вот и вся история. Потом мы пошли в кофейню на Коламбус-авеню, взяли кофе и черничный пирог и отлично посидели. Я впервые за годы дружбы рассказала Эльфе о том, что мои родители – не родные и что я хочу найти настоящую мать. А она была очень добра и поддержала меня – после того, как перестала злиться, что я не рассказала этого раньше. Я поблагодарила ее, а она расплакалась. Потом мы пошли домой.

Вы хотите знать, в чем смысл этой истории? Ну, моя жизнь не перевернулась на следующее утро, как бы вам того ни хотелось. Несколько лишних килограммов все еще со мной, как и очки. И меня до сих пор считают фриком. Но Эльфа теперь всегда садится рядом со мной в столовой. К тому же некоторые наши одноклассники тоже увлеклись фэнтези, так что теперь мне есть с кем поболтать.

Я действительно начала записывать свои истории. Эльфа говорит, они классные, но она моя лучшая подруга, ей положено. Может, однажды я наберусь смелости показать их учителю литературы. И да, я поговорила с мамой насчет моей родной матери – как ее найти и все такое, – и мы решили, что лучше подождать, пока я не закончу школу. Отличный план, потому что прямо сейчас я и не стремлюсь с ней встретиться. Мне просто надо знать, что это возможно.

«А подарок Королевы?» – спросите вы. Что ж, ее дар оказался очень странным. Теперь я всюду вижу фей. Вчера наткнулась на светловолосую девчушку в белом трико и синих джинсах. Молния на них была слегка расстегнута, а пояс отогнут, так что она выглядела словно белый цветок в объятиях синих листьев. Вы бы решили, что она – городская сумасшедшая. А я знаю, что это фея. Как и тот старикан в ярко-синей хламиде, расшитой бабочками. И одетый в меха мальчик-азиат с длинными, до пояса, черными волосами. Даже в Верхнем Ист-Сайде есть одна дама, светловолосая, с огромными зелеными глазами – она фея. И ее собачка на блестящем поводке – тоже.

Кстати, помните, я говорила про те деревья вдоль дорожек? Теперь я знаю, почему они под замком. Но вам не скажу, конечно. Это секрет. Если вам и правда интересно, найдите Королеву Центрального парка и предложите ей что-нибудь стоящее. Или сыграйте с ней.

И обязательно передайте Глодаю привет.

* * *

Делия Шерман живет в Бостоне, штат Массачусетс. Она писательница, редактор, автор множества рассказов и романов «Through a Brazen Mirror», «The Porcelain Dove» и «The Freedom Maze». Вместе с Эллен Кашнер она участвовала в создании «The Fall of the Kings» – романа и одноименной

повести, а вместе с Терри Виндлинг работала над составлением антологии «The Essential Bordertown». Также она выступает в роли редактора для «Tor Books» и входит в оргкомитет премии «Tiptree Awards».

Делия любит писать в кафе, а не дома; стабильности и размеренности она всегда предпочтет новое путешествие.

От автора

Я выросла на Манхэттене, в двух кварталах от Центрального парка. Его лужайки служили мне игровой площадкой. Заросли – Зачарованным лесом. Большой пруд – бескрайним океаном. Недавно мне довелось беседовать с человеком, усомнившимся, что феи стали бы жить среди шума и небоскребов крупного города. Весь мой опыт доказывал обратное – и тогда я решила написать «Центральный парк», чтобы рассказать об этом. Лично мне не доводилось встречаться с Королевой фей, но я всегда знала, что она и ее двор – и самые опасные, и самые озорные – незримо присутствуют среди нас. Я знаю это и сейчас.

Майкл Кеднам

Дафна

Вы ведь знаете, каким бывает солнце в сухие, жаркие дни, когда под бесконечным потоком его золотистых лучей блещут иссиня-черные виноградники, а быки, пыхтя, тянут за собой телеги, и каждый человек мечтает оказаться в тени.

Аполлон – бог солнца – был именно таким, каким его представляли: сплошное сияние и улыбка. Слишком ослепительный, чтобы смотреть на него прямо, и слишком хорошо понимающий это. Не спорю, он был приятным попутчиком, когда спускался в поля, где скромные женщины пасли гусей и носили воду из колодца, и заговаривал со мной. Его голос звучал так, будто само небо решило одарить меня вниманием.

Я жила простой жизнью. Отец мой был речным богом Пенеом, а мать – деревенской девушкой. Однажды, купаясь в реке жарким летним вечером, она почувствовала, как мой отец окутал все ее тело, захватил, проник в нее. Реки распутны, страстны и глубоки. Мать провела годы в печали и одиночестве, но воспоминание о том, что однажды она была любима, поддерживало ее. Она научила меня делать соломенных кукол и восковых лошадок – пустяковые, милые игрушки для девочек, но никогда не давала забыть, что я дочь реч-

ного потока – того далекого отца, который не уделяет внимания своим детям, однако всегда помнит о них.

Гуляя поблизости, бог солнца заигрывал со мной, но я оставалась холодна. Смертные юноши тоже подходили и что-то смущенно бормотали, вспыхивая румянцем, но я лишь качала головой и отвечала им, что свадебные свечи и брачная постель не прельщают меня. Дочь глубоких потоков, я не мечтала ощутить дыхание любовника, и мысль в будущем стать кому-то женой не наполняла меня счастьем.

Однажды я погрузилась в реку. Я позволила водам окружить и узнать меня. Страстное стремление отца к бездонному океану всегда было его величайшей слабостью и одновременно неиссякаемым источником силы. Отец окутал волнами мое тело, не прекращая нести свои воды к соленому океану.

– Услышь меня, – прошептала я.

Но ответа не было.

– Отец, прошу, выслушай меня, – взмолилась я.

Рябь реки засверкала.

– Сохрани мое целомудрие до последних дней жизни, огради меня от мужчин!

И тогда отец заговорил глубоким, бурлящим шепотом. Вы, конечно, слышали его голос, мягко разливающийся среди ветвей ивы или ворчливо бормочущий в тени моста.

– У меня не будет внуков? – сокрушался он. – Никто не будет плескаться у моих берегов?

Я снова стала умолять его благословить мою непорочность. Я сказала, что хочу провести такую же целомудренную жизнь, как богиня-охотница Диана, которая не знала ни одного мужчины. Я дочь речного потока, а потому имею право сама решить свою судьбу.

Этот последний довод убедил его. Речной бог могуществен, у него длинные, необъятные руки, которые набирают силу каждую весну, когда горы застилает темная завеса дождя. Но он не настолько могуч, чтобы не чувствовать власти более великих богов – бога моря, правящего в бездонных пучинах, и самовлюбленного бога солнца, царящего над землей, чей взгляд, кажется, так и говорит: «Посмотри-ка на меня». Поэтому отец лишь вздохнул, с неохотой, но уже смягчившись, благословил мою непорочность и заботливо прожурчал на прощание:

– Позаботься о матери, Дафна. Она все еще живет в моем сердце.

Мой отец – своенравный, непостоянный, бессмертный. И вы еще спрашиваете, почему я не хотела иметь никакого дела с мужчинами.

Вскоре после этого Аполлон, как обычно, спустился прогуляться неподалеку, рассекая пшеничные поля своим твердым, широким шагом. Он запрокидывал голову и смеялся – само воплощение беззаботного веселья.

Но, видимо, обет изменил меня, усилив красоту, потому

что в тот день он не прошел мимо. Теперь Аполлон клялся, что ему недостаточно неба – он желал меня.

– Дафна, – говорил он, – пойдем полюбуемся на ягоды, созревшие на кустах.

Я избегала его взгляда.

– Пойдем полюбуемся оливковыми ветвями, что отяжелели от своих даров, – продолжал он. Разумеется, все это означало одно: давай развлечемся с тобой на холме, дорогая, а после я оставлю тебя в одиночестве навеки.

Я сказала, что дала обет целомудрия.

На его лице промелькнуло облачко недовольства, но через мгновение он снова ослепительно улыбнулся.

– Я божество и могу снять с тебя обет, – сказал он.

Я промолчала.

– Неужели ты никогда не мечтала стать матерью для потомков бога солнца, Дафна? – спросил он.

Мне нечего было ответить.

Но лучезарный бог не унимался. Он приходил ко мне много дней подряд. Каждое утро он разгуливал по склонам холмов, а в полдень, встречая меня на пути от колодца, обвивал все тело огромными горячими руками, касаясь плеч, лица – всего, куда только мог дотянуться. Но я не позволяла ему вольничать, как он того желал.

В тот жаркий день я услышала, как он приближается ко мне, оживленный больше обычного. Он шел за мной по из-

вилистой дороге от деревни, пока я собирала тимьян для мяса, которое хотела приготовить мать.

– Не правда ли, эта головка выглядела бы еще прекраснее, будь на ней корона? – напевал он. – А эти бедра были бы еще изящнее, если бы их украшал королевский пояс или покрывали шелка, моя прелестная невеста. А эти губы ожили бы под...

Но с меня было довольно. Я бросила ароматные травы на землю и пошла прочь.

Я торопилась.

Он следовал за мной, не замолкая ни на секунду – от его бесконечной болтовни могли увянуть травы. Он расписывал, какой он страстный любовник, как леса на холмах трепещут от его ласк, а от дыхания расцветают маки.

И кто ты такая? – спрашивал он.

Кто ты такая? – говорил он, начиная сердиться. Как могу я – дочь речного божка – отвергать любовь восхитительного, солнцеликого повелителя жизни?

И тогда я совершила ужасную ошибку.

Ошибку, которая стоила мне жизни.

Я побежала.

Я бежала, а Аполлон мчался бок о бок со мной – быстрее, чем борзая, преследующая зайца. Он кружил рядом, пересекал путь, дразнился, но все еще не захватывал меня, как будто эта погоня распаляла его вожделение. В своей невинной доверчивости я начала плакать – и это было второй ошиб-

кой. Мои слезы лишь вызвали у него смех.

Я принялась спускаться по склону речной долины, и едва ли нашелся бы смертный, который когда-либо бежал быстрее. Бог солнца гнался за мной след в след, пока я не ощутила на плече его теплое небесное дыхание. Я достигла берега реки – и вскрикнула, когда он схватил меня.

Он был очень силен.

Мой крик вспугнул коноплянок из ветвей ивы и пробудил дремавших полевых мышей. *Помоги, отец!* Бог солнца усмехнулся мне прямо в ухо:

– Что может сделать водяной божок, чтобы сдержать мою страсть?

Но отец не забыл обо мне.

Мои пальцы начали удлиняться. Ладони задрожали и вытянулись вверх. Кровь остыла, превратившись в древесные соки. Ноги вросли в берег реки, пронзив корнями почву и оплетая холодный камень. Я вскинула широко раскрытые в мольбе руки. Они разветвились, словно пытаясь обнять небо, и заполнили листвой его голубизну. И с этой высоты я – уже зеленое дерево, вросшее корнями в землю, – взираала вниз, устало дыша.

Однако страсть Аполлона не остыла. Еще долго он рыдал, чувствуя трепет моего человеческого сердца под древесной оболочкой. Потому что боги любят смертных. Они нуждаются в нашей красоте, стойкости, веселье. Они завидуют нашей надежде на лучшее. Им никогда не овладеть тем, чем живут

наши сердца. Всю ночь напролет бог света стоял коленопреклоненный предо мной, тоскуя по любви, которую никогда не сможет получить.

И до сего дня, когда леса одеваются в листву или когда расцветает дерево Дафны – волчегодник, вы можете почувствовать, как солнце бережно согревает ту жизнь, которую оно может почитать, но которой никогда не сможет завладеть. Хотя, кажется, оно и не горюет об этом. Увидев, как ветер шевелит листву или переворачивает страницы книги, некогда бывшие плотью дерева, наклонитесь и прислушайтесь.

Вы услышите мой голос.

* * *

Майкл Кеднам – автор восемнадцати романов, среди которых «In a Dark Wood», «Rundown» и «The Book of the Lion», ставший финалистом Национальной книжной премии в 1999 году. Последний его роман – «Raven of the Waves». Он также является автором двух сборников поэзии и книжки-картинки для детей. Рассказы Кеднама печатались в различных сборниках Эллен Датлоу и Терри Виндлинг – в антологии сказок для взрослых и антологии детских сказок «A Wolf at the Door». Несколько историй также были отображены для переиздания в сборнике «The Year's Best Fantasy and Horror» («Лучшее за год: Мистика. Магический реализм.

От автора

Я всегда любил истории о превращениях. Я писал об оборотне в книге «Saint Peter's Wolf» и о вампире в «The Judas Glass». Мне нравится рассказывать о людях, которые превращаются в кого-то другого (в том числе – о том, как подростки становятся взрослыми). Мое любимое классическое произведение – «Метаморфозы», где мы как раз встречаем историю Дафны в прекрасном изложении Овидия. Разумеется, я использовал его для своего рассказа, и это знак моего глубокого уважения к мифу. Я изучал латынь в старшей школе, но не очень успешно. Однако мне настолько понравились «Метаморфозы», что я перевел кое-что из них просто для собственного удовольствия. Момент описания погони перед тем, как Дафна превращается в дерево, – это дань уважения латинскому оригиналу.

Чарльз де Линт

Где-то у меня в голове прячется ящик с красками

Чего ты точно не ожидаешь встретить в лесу – так это ящика с красками. Однако вот же он: лежит себе целехонек в переплетении корней, полуприкрытый листьями папоротника и сухими сосновыми иголками. Позже Лили вспомнила, что такой ящик называется «этюдником», но в ту секунду она просто присела на корточки, изумленная находкой.

Трудно было сказать, сколько он здесь пролежал. Деревянные стенки ничуть не подгнили, но запор покрыла ржавчина, и Лили пришлось немало с ним повозиться. Наконец она откинула крышку и увидела...

Сокровище.

Изнутри в крышку были вложены три деревянные дощечки; на каждой из них красовался рисунок. Несмотря на быстрые, почти небрежные мазки, Лили не составило никакого труда узнать изображенные места. И не только их – сама манера письма показалась ей знакомой.

На первом рисунке был запечатлен водопад. В этом месте ручей словно спотыкался, а затем, нырнув вниз с оврага, снова успокаивался. Некоторые детали добавила память и воображение Лили, но это, без сомнения, был он.

На втором рисунке она увидела давно заброшенную ферму: жестяная крыша провисла, сгнившие стены кое-где обвалились внутрь. Ферма была ничуть не похожа на домик Лилиной тетушки, вечно залитый солнцем и окруженный дикими розами, старыми ульями и яблоневым садом, который они с тетушкой медленно очищали от сорняков. Нет, эта лачужка находилась в сумрачной и сырой лощине, куда солнце заглядывает всего на пару часов в день, даже не успевая высушить росу.

Последний пейзаж мог быть написан где угодно в этом лесу, но Лили решила, что художник вдохновлялся склоном ниже по течению ручья. С дощечки на нее смотрели пожелтевшие березы, буки и сосны. По мере того, как взгляд зрителя двигался вверх, деревья теснились все гуще, пока не начинали напоминать звезды на небе – только сквозь их кроны еще просвечивало солнце.

Рассмотрев рисунки, Лили бережно положила их на землю. Разноцветные разводы на внутренней стороне крышки намекали, что художник задумывал еще одну картину, – но тему ее невозможно было угадать.

Палитру тоже усеивали подсохшие пятна краски, так что она сама напоминала рисунок. Лили вытащила ее и склонилась над нижним отделением. Там лежали тюбики с масляными красками, кисти, мастихин, бутылочка скипидара и тряпка, которую словно обмакнули в радугу.

Лили перевернула палитру и наконец нашла, что искала.

Подпись художника. Девушка провела пальцем по буквам, которые складывались в невозможное, немыслимое имя.

Майло Джонсон.

Сокровище.

– Майло Джонсон, – повторила тетушка, пытаясь понять, чем так взбудоражена племянница. В семнадцать лет неожиданные находки приводили Лили в такой же восторг, что и в детстве. – Я должна его знать?

Лили смерила ее взглядом, в котором красноречиво читалось «Ты меня никогда не слушаешь, да?», и направилась к своей книжной полке. У нее было не так много книг, но имеющиеся она перечитывала бесконечно. На той, которую она положила на кухонный стол, красовалась надпись: «Натуралисты Ньюфорда. Повторяя природу». Лили открыла книгу на биографии первого художника и подчеркнула пальцем имя. Тетушка прочитала его, беззвучно шевеля губами, затем перевела взгляд на черно-белый снимок Джонсона, который предварял биографию.

– Я его видела раз или два, – наконец вспомнила она. – Все бродил по лесам со старым ранцем за спиной. Но это было очень давно.

– Надо думать.

Тетушка прочитала еще пару строк.

– Так он известный художник?

– Еще бы. Он перерисовал все здешние холмы, а его кар-

тины висят в галереях по всему миру.

– Подумать только. И ты считаешь, это его ящик?

Лили кивнула.

– Что ж, тогда лучше вернуть его хозяину.

– Не получится, – покачала головой Лили. – Он умер. По крайней мере, так говорят. Как-то раз они с Фрэнком Спейном ушли рисовать в холмы, и больше о них никто не слышал.

Лили принялась листать страницы, пока не добралась до небольшого раздела, посвященного Спейну. Джонсон выделялся среди «натуралистов», как луна среди звезд; его живая, энергичная манера узнавалась с первого взгляда абсолютно всеми – даже теми, кто не слышал его имени. Спейн же входил в группу молодых художников, которых Джонсон и его компания взяли под крыло. Он был не так известен, но уже успел показать себя талантливым живописцем – незадолго до того, как они с Джонсоном отправились в свое последнее роковое путешествие.

Обо всем этом Лили прочитала в книге, которую почти выучила наизусть. Она получила ее в подарок от Харлин Уэлч несколько лет назад. С тех пор Лили мечтала стать такой, как «натуралисты» – особенно Джонсон. Необязательно в стиле письма. Нет, ей хотелось научиться тоже привносить в живопись собственный взгляд. Пропустить через себя целый мир своих любимых холмов и лесов – и запечатлеть их так, чтобы другие увидели их ее глазами, поняли ее любовь

к ним и захотели бы защитить их, как защищала она.

– Это было двадцать лет назад, – добавила Лили. – Тела до сих пор не нашли.

Двадцать лет. С ума сойти. И все это время ящик пролежал в лесу.

– Никогда не думала, что рисование может быть таким опасным, – заметила тетушка.

– Все может быть опасным, – откликнулась Лили. – Так говорит Бо.

Тетушка кивнула и, перегнувшись через стол, развернула к себе книгу.

– И ты хочешь оставить ящик себе?

– Пожалуй.

– Но у этого Джонсона должны быть наследники. Разве нам не стоит с ними связаться?

Лили покачала головой.

– Джонсон был сиротой, как и я. Так что мы можем только сдать ящик в музей, где его задвинут в какой-нибудь пыльный шкаф.

– Даже рисунки?

– Ну, их, наверное, нет. Но ящик на экспонат точно не тянет...

Лили сгорала от желания испробовать найденные краски и кисточки. У нее никогда не было денег ни на то, ни на другое.

– Что ж, – сказала тетушка. – Полагаю, раз ты его нашла,

тебе и решать, что с ним делать.

– Угу.

«Кто нашел, берет себе», гласит старая пословица. Но Лили не могла отделаться от чувства, что ее сокровище – особенно рисунки – принадлежит всем, а не только долговязой рыжей девчонке, которая и наткнулась-то на него случайно, блуждая по лесу.

– Мне нужно об этом подумать, – наконец решила она.

Тетушка кивнула и отправилась ставить чайник.

Следующее утро прошло в обычных хлопотах. Лили покормила цыплят, отложив пару пригоршней зерна для воробьев и других пичуг, которые в нетерпении следили за ней с окрестных деревьев. Затем подоила корову и отлила немного молока в блюдо: стоило ей управиться, как из леса появлялись кошки и начинали мурлыкать и тереться о ее ноги, пока она не ставила блюдо на крыльцо. Когда Лили закончила пропалывать сад, утро уже перевалило за середину.

Девушка собрала ланч и положила его в наплечную сумку – вместе с плотницкими карандашами и стопкой коричневых листов, которые она нарезала из бакалейных пакетов.

– Снова в лес? – поинтересовалась тетушка.

– Я вернусь к обеду.

– А ящик не возьмешь?

Лили заколебалась. Колпачки тюбиков заржавели, но когда она надавила на тонкую металлическую оболочку, та по-

слушно прогнулась. Краски все еще были мягкими; кисточки тоже не пострадали. Но пустить их в дело казалось неправильным. Во всяком случае, пока.

– Не сегодня, – наконец ответила Лили.

Едва переступив порог, она увидела пару псов. Они неслись к ней, взрывая когтями землю. Это были собаки Шафферов. Макс и Кики – один темно-каштановый, другая белая с черными отметинами. Вместе они являли собой настоящий заряд короткошерстного жизнелюбия. Шафферы жили рядом с Уэлчами, чья ферма стояла в самом конце тропинки. Та ответвлялась от проселочной дороги и бежала мимо тетушкиного дома и леса – всего-то час пути, если идти вдоль ручья. Собаки у Шафферов были что надо: не гонялись за коровами, не дурачились сверх меры – и чуть ли не каждый день сопровождали Лили на прогулках.

Псы так и приплясывали вокруг, пока она шла через сад. Возле Яблоневого Человека – так тетушка называла самое старое дерево в саду – Лили остановилась, вытащила припасенное с завтрака печенье и положила его между корней. Эта привычка уже много лет была частью ее ежеутреннего ритуала – наряду с пригоршней зерна для птиц и блюдцем молока для кошек. Тетушка частенько поддразнивала племянницу – дескать, все окрестные мыши и еноты должны на тебя молиться.

– Фу! – одернула она Кики, которая сунула нос к печенью. – Это не для тебя! Потерпи до ланча.

Они вместе вскарабкались на холм и углубились в лес. Лили то и дело замедляла шаг, заметив какой-нибудь любопытный сорняк или соцветие, и тогда собаки принимались носиться возле нее кругами. Они перекусили в паре миль дальше – на валуне, с которого открывался вид на Большой Колодец. На самом деле это был, конечно, не колодец, а котлован в два или три акра шириной и со входом в пещеру на дне.

Горы вокруг тетушкиного дома были буквально изрешечены пещерами всех форм и размеров. Они попадались на каждом шагу – но обычно оканчивались тупиком уже через несколько метров. Правда, поговаривали, что Холмы Кикаха можно пересечь из одного конца в другой не поднимаясь на поверхность – если знаешь дорогу.

Покончив с ланчем, Лили соскользнула с валуна. Рисовать больше не хотелось. Вместо этого она принялась думать про этюдник Джонсона – и про то, как удивительно было найти его в лесу после стольких лет. Отдавшись мыслям, Лили повела собак туда же, где обнаружила вчера ящик. Вдруг там окажется что-нибудь еще? Однако затем по ее спине пробежал холодок: а что, если она найдет и кости художников?

Когда они подошли к месту, собаки совсем разыгрались. Они шутливо кусали ее за рукава, взмывали в воздух, делая вид, будто собираются напасть, колотили хвостами и рычали так яростно, что Лили с трудом сдерживала смех. Наконец Макс боднул ее головой в ногу – как раз в тот момент, когда девушка занесла ее для следующего шага. Лили потеря-

ла равновесие и упала в кучу листвы. Сумка слетела с плеча и откатилась в сторону, рассыпав по земле карандаши и наброски.

Лили поднялась. Уголки губ подрагивали в улыбке, но она постаралась напустить на себя как можно более сердитый вид.

– Двое на одного? Ну давайте, драчуны. Ух, я вам задам!

И она, рванувшись вперед, прижала Кики к земле. Та принялась с восторженным твяканьем извиваться у нее в руках. Макс прыгнул сверху на кучу-малу, и вскоре все трое катались по листве, словно неразумные щенки – которыми псы не были уже очень давно, а Лили так и вовсе никогда. Увлечшись возней, они не сразу услышали крик, – а когда наконец расцепились, увидели перед собой мужчину с палкой в руке.

– А ну брысь от нее! – кричал он, потрясая палкой.

Лили села. Кажется, сейчас в ее волосах и на свитере было больше листьев, чем на облетающих деревьях вокруг. Девушка поспешила ухватить псов за ошейники, но они, как ни странно, даже не попытались залаять или броситься на незнакомца. Обе собаки так и остались сидеть по сторонам от Лили, молча глаза на мужчину.

Несколько долгих секунд Лили занималась тем же. Он был некрупным, но крепко сбитым и носил потертые кожаные ботинки и далеко не новый сюртук из черного сукна, из-под которого выглядывал белый воротничок рубашки. Волосы незнакомца были неровно подстрижены, щеки покрывала

щетина. Впрочем, у него оказалось довольно приятное лицо: твердые черты и тонкие морщинки вокруг глаз и губ – такие появляются, если часто смеяться. Лили подумала, что на самом деле он немногим старше нее.

– Все в порядке, – сказала она мужчине. – Мы просто играли.

В нем было что-то смутно знакомое, но она никак не могла понять что.

– Ну конечно, – ответил он, опуская палку. – Какой же я дурак! Ни один зверь в лесу не причинит вреда своей Госпоже, – и он упал на колени. – Прошу простить мою дерзость.

Лили потеряла дар речи. Все это было очень странно – начиная с поведения собак и заканчивая поведением самого мужчины. Пока девушка раздумывала над ответом, в глазах незнакомца что-то переменялось. Еще секунду назад в них читалась потерянность – но и надежда, – а теперь только смирение.

– Ты просто девочка, – сказал он вдруг.

– Вообще-то, мне уже семнадцать, – с обидой ответила Лили. – По меркам здешних краев – почти старая дева.

Незнакомец покачал головой.

– Прошу прощения. У меня и в мыслях не было тебя оскорбить.

Лили немного расслабилась.

– Тогда ладно.

Мужчина потянулся к рассыпанным по земле наброскам

и принялся складывать их обратно в сумку, перед этим внимательно просматривая каждый.

– Хорошие, – сказал он. – Даже больше чем хорошие.

На эти несколько секунд – пока он собирал рисунки, разглаживал их, внимательно просматривал и по одному убирал в сумку – выражение его лица снова стало другим. Не таким потерянным. Не таким печальным.

– Спасибо, – ответила Лили.

Она помедлила, раздумывая, не будет ли грубостью задать мучивший ее вопрос сразу после такого комплимента. Девушка подождала, пока последний набросок не переключует в сумку, а незнакомец не присядет на землю напротив. При этом его взгляд вновь рассеялся в пустоте.

– Что вы делаете здесь, в лесу? – спросила Лили.

Взгляд мужчины не сразу вернулся к собеседнице. Наконец он закрыл сумку и поставил ее на траву между ними.

– Я принял тебя за другую, – ответил он, как будто это все объясняло. – Та же путаница рыжих волос... И эти листья... Но ты слишком молода, и кожа у тебя не такая бронзовая.

– И что с того? – нахмурилась Лили.

– Я принял тебя за Нее.

Лили услышала, какое ударение он сделал на последнем слове, но это ничуть не прояснило для нее произошедшее.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Девушка принялась вычищать листву из волос. Собаки по-прежнему лежали по бокам от нее, подозрительно спо-

койные.

– Я принял тебя за Госпожу леса, – сказал мужчина. – Когда мы миновали пещеру между мирами, она вышла из дерева и поприветствовала нас. На ней был плащ из листьев, а в глазах играл лунный свет.

Стоило ему произнести «вышла из дерева», как Лили охватило странное чувство. Она вспомнила сон, который привиделся ей в лихорадке пять лет назад, после укуса змеи. Лили приснилось, будто лесные кошки, пытаясь спасти ей жизнь, превратили ее в котенка. После этого она повстречала Яблоневого Человека, еще одного древесного духа по имени Прародитель Кошек и даже фэйри, которых так долго пыталась найти. Они были похожи на мерцающие силуэты, танцующие над лугом, будто светлячки⁴.

Тот сон казался таким реальным.

Лили поморгала, отгоняя воспоминания, и снова сосредоточилась на незнакомце. Видимо, тот устал сидеть на коленях, потому что устроился по-турецки в паре метров от нее.

– Что значит – «поприветствовала нас»?

Теперь уже мужчина казался сбитым с толку.

– Просто вы так выразились, будто были не один.

Он кивнул.

– Мы были на пленэре с Майло, когда...

При звуке этого имени смутное чувство узнавания нако-

⁴ Предысторию этого рассказа вы можете найти в романе Чарльза де Линта «Кошки Дремучего леса».

нец соединилось в памяти Лили с фотографией из книги.

– Вы – Фрэнк Спейн! – закричала она.

Мужчина снова кивнул.

– Но это невозможно, – задумалась девушка. – Вы выглядите в точности как на фотографии в моей книге.

– В какой книге?

– О Майло Джонсоне и других ньюфордских «натуралистах».

– О нас есть книга?

– Да вы знаменитости, – усмехнулась Лили. – Там сказано, что вы с мистером Джонсоном исчезли двадцать лет назад, когда отправились рисовать в эти самые холмы.

Фрэнк помотал головой. На лице его читалось потрясение.

– Двадцать... лет? – выговорил он медленно. – Как такое может быть? Прошло всего несколько дней...

– Что с вами случилось? – спросила Лили.

– Уже и не знаю... Мы всю зиму провели взаперти в студии, мечтая поработать на природе. Собирались сидеть тут, пока комары не загонят нас обратно в город, – он покачал головой. – Но потом мы нашли ту пещеру и встретили Госпожу леса...

Он выглядел таким потерянным, что Лили ничего не оставалось, кроме как отвести его на ферму.

Тетушка выслушала их молча, со скептически поднятой бровью. Лили знала, о чем она думает. Сперва ящик с крас-

ками, теперь художник. Что дальше?

Но тетушка никогда не закрывала дверь перед гостями прежде и не собиралась начинать сейчас. Так что она позволила Лили показать Фрэнку, где у них можно умыться, и без лишних слов поставила к ужину третью тарелку. И только когда они уселись на крыльце, потягивая чай и любуясь вечерним небом, Фрэнк поделился с ними своей историей. Как они с Майло нашли пещеру и брели в темноте, пока не очутились в другом мире. Как встретили там Госпожу в лиственный плаще, с бронзовой кожей, непроницаемо-темными глазами и волосами рыжими, словно лисий мех.

– Значит, под горами все-таки проложен тайный ход, – хмыкнула тетушка. – Я всегда подозревала, что в этих сказнях есть доля правды.

Фрэнк помотал головой.

– Пещера вывела нас не на другую сторону гор, а в другой мир.

Тетушка улыбнулась.

– И сейчас вы скажете, что были в Стране фей.

– Да ты посмотри на него! – вмешалась Лили и, сбегав в дом за книгой, открыла ее на фотографии Фрэнка Спейна. – Он ничуть не постарел!

– Это называется «хорошая наследственность».

– Не настолько хорошая, – возразила Лили.

Тетушка повернулась к Фрэнку.

– Так во что вы предлагаете нам поверить?

– Ни во что, – ответил он. – Я и сам в это не верю.

Лили вздохнула и протянула ему книгу. Показала год издания, а затем ткнула пальцем в абзац, где описывалось, как они с Майло Джонсоном пропали пятнадцать лет назад.

– Книге пять лет, – пояснила она. – Но, думаю, у нас найдутся газеты месячной давности. Я покажу вам даты.

Фрэнк лишь покачал головой. Читая статью о своем исчезновении, он побелел как мел. Наконец он поднял глаза на тетушку.

– Может, мы и в самом деле были в Стране фей, – пробормотал художник.

Тетушка перевела взгляд с племянницы на него.

– Как такое возможно?

– Сам не знаю.

Он принялся листать страницы, пока не добрался до собственной биографии. Лили знала, что он ищет. Его отец погиб при аварии в шахте, когда Фрэнк был маленьким, но на момент его исчезновения мать еще оставалась в живых. Она умерла пятью годами позже.

– У меня тоже нет родителей, – сказала Лили тихо.

Мужчина кивнул. Его глаза блеснули.

Лили покосилась на тетушку, но та молча сидела в кресле, глядя на подступающую темноту. На лице ее застыло неопределенное выражение. Лили подумала, что одно дело – любить сказки, и совсем другое – стать героем одной из них.

Лили понимала это, как никто другой. Может, из-за той

истории с лихорадкой. С тех пор прошло пять лет, но она все еще просыпалась от снов, в которых была котенком.

– Почему вы вернулись? – спросила она Фрэнка.

– Я не понимал, что возвращаюсь, – ответил он. – Тот мир...

Он отлистнул страницы к началу и показал им репродукции Джонсона.

– Тот мир выглядит вот так. Не нужно ничего додумывать, просто посмотрите на эти картины. Вы все равно не сможете вообразить, какие там краски, какая сочная палитра у земли и неба, как сжимается сердце, когда ты смотришь на эту красоту... Мы там даже не рисовали. Не было нужды, – и он невесело рассмеялся. – Перед тем как туда уйти, Майло выбросил свой этюдник. А где мой, я и вовсе не представляю.

– Я нашла краски мистера Джонсона, – сказала Лили. – Вчера, неподалеку от того места, где мы с вами встретились.

Фрэнк кивнул – хотя Лили могла поклясться, что он ее не слышит.

– Я бродил по лесу, – начал он. – Искал Госпожу. Мы целый день Ее не видели, и я хотел с Ней поговорить. Расспросить об этом месте. Помнится, я пошел в рощу с буками и сикоморами – мы Ее там встречали раз или два. Я зашел под сень деревьев... солнца не было... А потом оказался в здешних холмах, где все выглядит бледным подобием того мира.

Фрэнк перевел взгляд на тетушку и Лили.

– Мне надо вернуться, – сказал он твердо. – Здесь для ме-

ня нет места. Мама умерла, а все, кого я знал, слишком изменились, – он захлопнул книгу. – Как и я – если верить этой статье.

– Но вы же не можете просто взять и все бросить, – сказала тетушка. – Наверняка у вас остались другие родственники, которые по вам скучают.

– Никого. Мы с мамой были последними из Спейнов.

Тетушка кивнула. Лили был знаком этот кивок: он внушал успокоительную иллюзию, будто тетушка с вами согласна – в то время как она лишь выжидала, когда к вам вернется здравый смысл, опасаясь, что от споров вы окончательно потеряете голову и наломаете дров.

– Вам нужно отдохнуть, – наконец заявила она. – Можете ночевать в хлеву. Лили покажет вам, где это. А утром все прояснится.

Фрэнк смерил ее недоверчивым взглядом.

– Разве такое может проясниться?

– Уж поверьте, – ответила тетушка. – Утро вечера мудренее.

И он последовал ее совету – как все люди, которым тетушка говорила, что для них будет лучше.

Лили отвела Фрэнка в хлев и помогла устроить постель на соломе. На миг девушка задумалась, поцелует ли он ее – и что она при этом почувствует, – но ей так и не представилось возможности это выяснить.

– Спасибо, – только и сказал он, прежде чем улечься на

одеяла.

Когда Лили закрывала дверь хлева, Фрэнк уже посапывал. А наутро он исчез.

Той ночью Лили снова приснился «сказочный» сон. Но на этот раз она не была котенком. Теперь она просто сидела под деревом Яблоневого Человека – а он вышел из ствола, как пять лет назад. И выглядел он так же, как тогда: чудной оборванец, узловатый и перекрученный, будто ветви своей яблони.

– Ты, – только и сказала девушка и отвернулась.

– Не слишком теплый прием для старого друга.

– Ты мне не друг. Друзья не живут в деревьях – и не заставляют чувствовать себя психом, когда один раз показываются, а потом исчезают до конца жизни.

– И все же я помог тебе, когда ты была котенком.

– Во сне, где мне привиделось, будто я была котенком.

Яблоневый Человек подошел ближе и уселся напротив Лили, вытянув долговязые ноги. Лохмотья вместо одежды, волосы, похожие на воронье гнездо, лицо, сморщенное, как высохшее яблоко.

– Тебе было лучше думать, что это сон, – вздохнул он.

– Выходит, мне это не приснилось? – воскликнула Лили, не сумев скрыть дрожь в голосе. – Ты настоящий? И Прародитель Кошек? И те фэйри в полях?

– Мы все где-то – настоящие.

Лили смерила его долгим взглядом, затем кивнула. Выражение счастья, озарившее было ее лицо, сменилось разочарованием.

– Значит, сейчас я тоже сплю?

– Да. Но события вчерашнего дня реальны.

Лили принялась ковырять пальцем землю, упрямо не глядя на Яблоневого Человека.

– Почему мне было лучше думать, что это сон?

– Нашим мирам не положено смешиваться – по крайней мере, теперь. Они уже слишком отдалились. Проводя здесь чересчур много времени, ты рискуешь уподобиться своему другу-художнику – вечно потерянному и лишенному надежды на счастье в собственном мире. Вместо того чтобы жить своей жизнью, он обречен вечно блуждать среди снов и иллюзий.

– Может, для некоторых сны и иллюзии лучше реальности.

– Может, – кивнул Яблоневый Человек, но Лили знала, что он с ней не согласен. – А для тебя?

– Нет, – признала она. – Но я по-прежнему не понимаю, почему мне подарили одну ночь в волшебном мире, а потом убедили, что это сон.

Лили подняла взгляд. Темные глаза духа были теплыми и добрыми, но еще в них читалась тайна – что-то древнее и укрощенное, чего она даже не могла понять. А может, и не должна была понимать.

– То, что ты делаешь, важно, – сказал он после паузы, как будто это все объясняло.

Лили рассмеялась.

– А что я делаю? Не делаю я ничего важного.

– Сейчас – возможно, нет. Но начнешь, если продолжишь свои занятия рисованием.

Лили покачала головой.

– Я не так хорошо рисую.

– Правда?

Девушка открыла было рот – но вдруг припомнила, что сказал Фрэнк Спейн о ее набросках.

Хорошие. Даже больше чем хорошие.

Затем она вспомнила, что в те несколько секунд, когда он просматривал ее рисунки, глубокая тень печали на его лице ненадолго рассеялась.

– Но я рисую только леса, – возразила Лили. – Только то, что вижу, – а не всякие чудеса и фей.

Яблоневого Человек кивнул.

– Иногда людям нужны чудеса и феи, чтобы начать ценить то, что они имеют. Но порой картины реального мира справляются с этой задачей еще лучше.

– Ты поэтому сегодня пришел? – спросила Лили. – Чтобы попросить меня продолжать делать то, что я и так собиралась продолжать делать?

Он покачал головой.

– Тогда зачем?

– Я хочу попросить тебя не искать ту пещеру. И не заходить в нее. Иначе то, что ты найдешь внутри, может завладеть твоими мыслями навеки.

Во сне эти слова казались исполненными смысла. Но когда Лили проснулась и обнаружила, что Фрэнк Спейн исчез, наставления Яблоневого Человека тут же вылетели у нее из головы. Однажды ей уже позволили заглянуть за грань реального мира – и теперь она хотела большего.

– Порядочные люди так не делают, – заметила тетушка, когда Лили вернулась из хлева. – Не клянчат еду и кров, чтобы потом пропасть без единого слова.

– Не думаю, что он нам врал.

Тетушка лишь пожала плечами.

– Но он выглядел точь-в-точь как на фотографии в моей книге!

– Простое совпадение, – ответила тетушка. – Согласись, в его историю трудноверно поверить.

– Хорошо, и как ты тогда все объяснишь?

Тетушка секунду подумала, затем покачала головой.

– Не знаю, – сдалась она.

– Думаю, он ушел искать пещеру. Он хочет вернуться в тот мир.

– А ты хочешь пойти искать его.

Лили кивнула.

– Он тебе так понравился? – спросила тетушка.

– Дело не в этом!

– Не могу тебя винить. Он довольно приятный молодой человек.

– Я просто за него беспокоюсь, – сказала Лили. – Он выпал из своего времени, потерял всю семью...

– Хорошо, допустим, ты его найдешь. Что тогда?

Предостережение Яблоневого Человека и очевидно неодобрительный тон тетушки боролись в сознании Лили со страстным желанием отыскать пещеру – и своими глазами увидеть, куда она ведет.

– Я хотя бы с ним попрощаюсь.

Ну вот. Это не совсем ложь. Может, она не рассказала все, что следовало бы, но и не соврала.

Тетушка смерила ее долгим взглядом.

– Просто будь осторожна, – сказала она. – Покорми цыплят, подои корову – а сад прополешь, когда вернешься.

Лили улыбнулась и, чмокнув тетушку в щеку, побежала собирать ланч. Она уже стояла на пороге, когда вдруг метнулась обратно и вытащила из-под кровати ящик Майло Джонсона.

– Все-таки решила попробовать краски? – спросила тетушка.

– Пожалуй, да.

Так она и поступила – хотя результат оказался весьма далек от ее ожиданий.

Утро начиналось отлично. Впрочем, лес всегда излечивает от любых недугов – особенно если они гнездятся в голове или сердце. На этот раз за Лили не увязались собаки Шафферов, но она не расстроилась. Гулять в одиночку ей тоже нравилось.

Она сразу направилась в ту часть леса, где нашла сперва ящик с красками, а потом Фрэнка, – но там никого не было. Художник либо уже отыскал дорогу в Страну фей, либо просто не откликался на ее зов. В конце концов Лили устала аукать и решила поискать пещеру самостоятельно – но в лесу их были десятки, и ни одна не выглядела... нет, не *ощущалась* той самой.

Перекусив, девушка уселась на траву и открыла ящик с красками. Рисунок, который она набросала на обороте одной из картинок Джонсона, получился неплохо, хотя карандашу и было непривычно скрипеть по дереву. В итоге она увидела что хотела: широко раскинутые ветви бука, крепкий гладкий ствол, густой кустарник внизу и лес на заднем плане. Проблемы начались с красками. Они делали что угодно, только не то, что требовалось Лили. Сперва она чуть не ободрала пальцы, пытаясь открыть тюбики – так туго они были завинчены, – а когда все-таки выдавила несколько цветов на палитру, те мигом показали свой непростой характер.

Краски были чудесные – чистые пигменты, которые будто светились изнутри. Но стоило Лили начать их смешивать, как они превратились в грязь. Вместо ярких, насыщенных

тонов девушка раз за разом получала какую-то кашу – причем с каждой попыткой становилось только хуже.

Наконец она вздохнула, отчистила палитру и дощечку, вымыла кисти в бутылочке со скипидаром и насухо вытерла щетину тряпкой. Попутно Лили разглядывала рисунки Джонсона, пытаясь понять, как он добился таких цветов. В конце концов, это был его этюдник. И все краски, которыми он написал эти потрясающие картины, лежали здесь же, в ящике. Тогда что она делает не так?

Может быть, живопись сродни поиску фей – или пещеры, которая ведет в волшебную страну. Просто некоторым это не дано.

И то, и другое было пронизано магией. Живопись, феи... Как еще объяснить, что Джонсону удалось распахнуть окно в настоящий лес, используя всего пару красок и плоскую деревяшку?

Надо больше тренироваться, подумала Лили. Когда она только начала рисовать карандашом, у нее тоже получалось ужасно. Но девушка не была уверена, что даже в будущем сможет испытать такое... вдохновение, которое чувствовалось в картинах Джонсона.

Она еще раз осмотрела внутреннюю сторону крышки. Даже абстрактные узоры, которыми художник, вероятно, просто расписывал кисть, пульсировали жизнью и страстью. Лили наклонилась ближе к цветным разводам – и вдруг вспомнила книгу о «натуралистах».

«Дело не только в том, чтобы писать по следам живой природы, как учили нас импрессионисты, – цитировал автор книги Майло Джонсона. – Не менее важно погрузиться в природу в собственных мыслях. Я множество раз уходил на пленэр с единственным этюдником, спрятанным у меня в голове. Необязательно быть художником, чтобы поделиться с миром частицей своего внутреннего леса. Мои лучшие картины не висят в галереях. Нет, они развешаны у меня между ушами – бесконечная личная выставка, которой я лишь пытаюсь поделиться с окружающими при помощи более зримых средств».

Наверное, поэтому он и выбросил этюдник. Единственные краски, которые могли понадобиться ему в Стране фей, хранились у него в голове. Лили вздохнула. Сможет ли она когда-нибудь такому научиться?

Девушка уже собиралась уходить, когда до нее донесся отголосок мелодии. Похожее впечатление возникает, когда слушаешь лесных воронов – их грубые, гортанные вскрики удивительно напоминают человеческий язык. И хотя это просто карканье, пару мгновений тебе кажется, что еще немного – и ты разберешь отдельные слова.

Лили вскинула голову и огляделась. Нет, это были не вороны. И ни один из привычных ей лесных звуков, хоть он и казался знакомым. А еще – слабым, но настойчивым. Почти музыка ветра или далекий перезвон колокольчиков, но не совсем. Почти соловьиное пение, полное переливчатых трелей,

но не совсем. Почти старая скрипичная мелодия, сыгранная на флейте или свирели – ритм лохматится, совершая странные повороты и неожиданные прыжки, как в традиционных напевах индейцев кикаха... Но не совсем.

Лили закрыла ящик, поднялась на ноги и медленно повернулась по кругу. Звук казался громче на западе – за ручьем, в глубине леса. Земля слева резко ныряла в овраг, и Лили пошла вдоль него, пробираясь через пышные заросли рододендронов. Склоны оврага были скрыты под плотным ковром болиголова, багряника, магнолии и кизила.

Почти-музыка вела ее на невидимом аркане – ближе, дальше, ближе, дальше, словно радиосигнал, который никак не получается поймать. Наконец Лили вышла на небольшую поляну, к гранитной стене, посреди которой темнел вход в пещеру.

Лили сразу поняла, что это та самая пещера, которую искал Фрэнк – и которая на двадцать лет похитила его у мира людей. Почти-музыка теперь звучала совершенно отчетливо, но Лили убедила даже не она, а каменный барельеф, высеченный над входом. Он изображал Госпожу леса. Волосы ее были усыпаны листьями, и листья же стекали из рта на подбородок, словно борода.

Лили подошла ближе, и в памяти у нее сразу воскресли предостережения тетушки и Яблоневого Человека. Девушка протянула руку к барельефу – но стоило ей до него дотронуться, как почти-музыка стихла.

Лили отдернула руку, будто от раскаленной печи, и бросила вокруг нервный взгляд. Теперь, когда мелодия смолкла, она стояла в кольце жутковатой тишины. Лес словно приглушил все звуки. Лили по-прежнему слышала пение птиц и стрекот насекомых, но они доносились откуда-то издалека, словно сквозь стену.

Девушка с тревогой повернулась ко входу в пещеру. В голове у нее ясно звучал голос Яблоневого Человека: «Не ходи».

Я и не пойду. Не до конца.

Раз уж она здесь оказалась, как можно не заглянуть внутрь хоть одним глазком?

Лили нагнулась, потому что вход доставал ей только до плеча, и шагнула на порог. В пещере оказалось темно, как ночью. Сперва она не могла ничего разобрать, но потом глаза привыкли к тусклому свету.

Тогда-то она и заметила рисунки.

Они напоминали ее собственные первые наброски – грубые, угловатые фигуры, которые она чертила на бумаге или стенах сарая палкой с обугленным концом. Но если ее почеркушки были схематичными, потому что лучше она не умела, эти рисунки казались нарочито стилизованными. Ее наброски были лишь обещанием будущих картин – а эти заключали в себе потаенную силу. Краска лежала мощными, продуманными мазками. Ничего лишнего. Сложные образы были очищены до своей первоначальной сущности.

Рогатый человек. Черепаха. Медведь с солнцем на груди, от которого во все стороны расходятся волнистые лучи. Олень в прыжке. Какая-то птица с огромными крыльями. Женщина в лиственном плаще. Деревья всевозможных видов и размеров. Молнии. Жаба. Спираль с женским лицом посередине. Лиса с большим полосатым хвостом. Заяц с опущенными ушами и маленькими оленьими рожками.

Десятки. Сотни. Некоторые рисунки узнавались легко, другие представляли собой не более чем геометрические фигуры, за которыми, тем не менее, угадывалась целая книга историй.

Лили разглядывала стены со все возрастающим изумлением и восхищением. Она еще никогда не видела таких больших пещер – в ней могло бы уместиться три или четыре тушковых дома. Рисунки покрывали каждый метр, но некоторые было трудно различить, потому что они терялись в тени. Лили пожалела, что не прихватила свечу или фонарь – от входа падала лишь бледная полоска света. Девушке страшно хотелось зайти подальше, но она никак не решалась переступить запретную черту порога.

Скорее всего, она так бы и ушла, вдоволь налюбовавшись рисунками, – как вдруг увидела скорчившуюся в углу фигуру. Та сжимала дудочку из коры. Лили и сама делала такие из прямых гладких веток каштана.

Но теперь дудочка молчала. Укутанный теньями Фрэнк сидел так тихо, что Лили заметила его только по счастливой

случайности.

– Фрэнк? – позвала она.

Он поднял голову.

– Все пропало, – ответил он. – Я не могу его вернуть.

– Другой мир?

Фрэнк кивнул.

– Так это была твоя... музыка?

– Это я играл, – подтвердил он. – Хотя не знаю, можно ли назвать это музыкой.

Лили помедлила, но потом все-таки переступила порог пещеры.

Ничего не случилось. Никаких вспышек света или резких звуков. Никакой двери в другой мир.

Девушка опустила на землю ящик с красками и сама присела рядом с Фрэнком.

– А я и не знала, что ты музыкант.

– Я не музыкант. – Мужчина показал Лили тростниковую дудочку – явно самодельную. – Но любил играть в детстве. В *том* мире всегда звучит музыка. Я подумал, что смогу ее призвать. Притянуть сюда – или самому оказаться там.

Лили снова обвела взглядом рисунки на стенах.

– А как ты попал туда в первый раз?

– Не знаю. Все сделал Майло. Я просто плелся следом.

– Он... он что-то нарисовал?

Фрэнк взглянул на нее с удивлением.

– Что ты имеешь в виду?

Лили указала на стены.

– Ты только посмотри. Это же замкнутая пещера, верно?

Он кивнул.

– Как думаешь, для чего предназначены эти рисунки?

Фрэнк по-прежнему недоуменно хмурился, поэтому Лили добавила:

– Может быть, они открывают дверь между мирами. Вдруг твоей Госпоже больше нравятся не песни, а рисунки?

Художник поднялся на нетвердые ноги и оглядел пещеру, будто впервые. Лили тоже встала.

– Если бы у меня были краски... – неуверенно начал он.

– Я принесла этюдник Майло Джонсона, – ответила Лили. – Там полно красок.

Фрэнк просиял. Не успела Лили и глазом моргнуть, как он сжал ее руки, поцеловал – прямо в губы, поцелуем горячим и нежным, – и нагнулся за ящиком.

– Я его помню, – сказал Фрэнк, перебирая тубики с красками. – Мы бродили по лесу, выискивая хорошую натуру для пейзажа – хотя для Майло любая натура была хороша, – а потом он вдруг бросил этюдник под дерево и пошел прочь. Я его звал, но он словно оглох – даже не повернулся, чтобы посмотреть, иду ли я за ним. Наконец мы вышли к этой пещере, и тогда... тогда... – Фрэнк поднял глаза на Лили. – Не знаю точно, что случилось. Мы просто зашли в пещеру, а через секунду уже оказались в другом месте.

– Значит, стены разрисовал не Майло?

– Я такого не помню. Но вряд ли бы он стал это делать. Майло мог создать любую картину силой воображения, вообще не притрагиваясь к кисти и холсту. А потом описать ее мазок за мазком – даже спустя много лет.

– Да, я читала об этом в книге.

– Хм...

Фрэнк покосился на рисунки.

– Это должна быть особенная картина, – пробормотал он, обращаясь скорее к себе, чем к Лили. – Простая – но такая, что в нее вместились все чувства и суть человека.

– Икона, – откликнулась Лили, вспомнив слово из другой своей книги.

Фрэнк кивнул и вытащил из ящика одну краску – жженую умбру, темную и насыщенную.

– А потом? – спросила Лили. На ум ей снова пришли слова Яблоневого Человека. – Допустим, ты выберешь правильный рисунок, и он откроет дверь в другой мир. Что ты будешь делать тогда?

Мужчина взглянул на нее, озадаченный.

– Шагну внутрь, конечно. И окажусь по ту сторону.

– Но зачем? Чем тот мир настолько лучше нашего? Я хочу сказать... Когда ты войдешь в дверь, то перечеркнешь все, чем мог бы стать здесь.

– Каждый выбор в нашей жизни перечеркивает все прочее. Это все равно что переехать в другой город, но более радикально. – Фрэнк помедлил, подбирая слова. – Там не

столько лучше, сколько *иначе*. Там я впервые почувствовал себя на своем месте. А здесь у меня ничего не осталось – кроме мучительного желания снова увидеть Госпожу и ее зачарованные леса.

– Мне знакомо это желание, – сказала Лили, вспомнив о своих бесконечных поисках фэйри в детстве.

– Ты даже не представляешь, – вдохновенно продолжал Фрэнк. – Там все излучает собственный свет...

На несколько долгих секунд в пещере воцарилась тишина. Мужчина молча смотрел на Лили.

– Ты можешь пойти со мной, – сказал он наконец. – И увидеть все своими глазами. Тогда ты поймешь.

Девушка покачала головой.

– Я не могу. Не могу бросить тетушку – вот так, ничего не сказав. Только не после всего, что она для меня сделала. Она мне ведь даже не родная – но теперь ближе, чем родная.

Лили выждала один удар сердца, вспоминая силу его рук, теплоту его поцелуя.

– Но ты мог бы остаться здесь.

Настала очередь Фрэнка качать головой.

– Я не могу.

Лили кивнула. Она понимала. Будь ее воля, она сама не раздумывала бы ни секунды.

Девушка наблюдала, как Фрэнк отвинчивает колпачок тюбика и выдавливает на ладонь длинную полосу темно-коричневого пигмента. Затем он отыскал на стене свободное ме-

стечко, обмакнул палец в краску, поднял руку – и неожиданно замер.

– У тебя получится, – подбодрила его Лили.

Да, она не могла с ним уйти. Да, она хотела, чтобы он остался. Но она знала достаточно, чтобы не пытаться его удерживать. Это было все равно что водить дружбу с диким зверем. Его можно поймать, привязать к себе, не пускать на волю – но его сердце никогда не будет тебе принадлежать. Дикое сердце, за которое ты его полюбил, зачахнет и перестанет биться. А разве с друзьями так поступают?

– Получится, – тихо повторил Фрэнк и улыбнулся ей. – Это часть волшебства, да? Нужно изо всех сил верить, что работает.

Лили понятия не имела, по каким правилам действует магия, но все равно ответила утвердительным кивком.

Фрэнк снова поднял руку и принялся что-то напевать себе под нос. Лили узнала почти-музыку, которую слышала раньше, но теперь смогла разобрать и мелодию. Девушка не знала ее названия, но местная группа время от времени играла ее на танцах в амбаре. Кажется, там было слово «фея».

Палец Фрэнка так и летал над скалой, прокладывая красочные линии. Лили не сразу поняла, что он рисует стилизованный дубовый лист. Наконец он положил последний мазок и отступил на шаг.

Никто из них не знал, чего ожидать – и ожидать ли вообще. Через несколько секунд Фрэнк перестал напевать и вы-

тер руку о штанину, не обращая внимания на размазавшуюся по ткани краску. Плечи мужчины поникли. Он обернулся к Лили, но прежде чем успел произнести хоть слово, девушка воскликнула:

– Смотри!

Она указала на стену. Сердцевина дубового листа налилась теплым зелено-золотым сиянием. Фрэнк и Лили вместе смотрели, как свет растекается по стене, идя легкой зыбью – будто поверхность пруда, в который бросили камушек. Постепенно в нем проступили и другие цвета: синий, красный, глубокий зеленый. Они чуть дрожали, словно рисунок был выполнен на ткани, которую теперь колыхал ветер. А затем стена исчезла, и на ее месте появился проход. Дверь в другой мир.

Там тоже был лес – очень похожий на тот, что шелестел у них за спинами, – но, как и говорил Фрэнк, каждое дерево в нем, каждая ветвь, каждый лист и тончайшая травинка лучились собственным светом. Мир-за-дверью был таким ярким, что почти ослепил их – и далеко не потому, что они все это время сидели в темной пещере.

Все в том мире сияло, пело и сверкало такой нестерпимой красотой, что от нее могло остановиться сердце. Лили почувствовала глухую тоску – будто ей в грудь всадили крюк и теперь тянули туда, в царство музыки и света. Это было не столько желание, сколько нужда.

– Пойдем со мной, – повторил Фрэнк.

Лили еще никогда ничего не желала так отчаянно. Там, за стеной, была не просто Страна фей. Там была Страна фей, в которой она сможет навечно остаться с этим удивительным, талантливым мужчиной. С мужчиной, который впервые в жизни поцеловал ее по-настоящему.

Но она медленно покачала головой.

– Ты когда-нибудь наблюдал с вершины горы, как солнце опускается в перистые облака? Видел бабочек, рассеявшихся на поле молочая? Слышал первую птичью трель после долгой зимы?

Фрэнк кивнул.

– В этом мире тоже есть магия, – сказала Лили.

– Но не та, что мне нужна, – ответил Фрэнк. – Не теперь, когда я побывал в зачарованных лесах.

– Я знаю.

Лили сделала шаг вперед и поцеловала его. Он на секунду задержал ее в объятиях, возвращая поцелуй, и они снова отступили друг от друга.

– Иди, – сказала Лили, легко подталкивая его в грудь. – Иди, пока я не передумала.

Она видела, что Фрэнк понял: уйти с ним было бы для нее такой же ошибкой, как для него – остаться. Он кивнул и, повернувшись, шагнул прямо в стену.

Лили следила, как он уходит – и через несколько секунд уже вступает под сень неправдоподобно ярких деревьев. Слышала, как он окликает кого-то – и ему отвечает дру-

гой мужской голос. Смотрела, как проход в стене снова превращается в круговорот красок. Перед тем как свет окончательно погас, в граните проступили очертания женского лица – того же лица, что было высечено над входом. Затем все исчезло. Пещера погрузилась во мрак, и Лили осталась одна.

Девушка присела на колени возле этюдника Майло Джонсона, опустила крышку и защелкнула замок. Потом взяла ящик за ручку, выпрямилась и медленно вышла из пещеры.

* * *

– Ты там? – спросила Лили, вглядываясь в крону Яблоневого Человека. – Ты меня слышишь?

Она вытащила из кармана чуть раскрошившееся печенье. Утром девушка слишком злилась на друга, который вчера так запросто явился к ней в сон, а до этого пять лет делал вид, будто его вовсе не существует. Друга, который заставил ее думать, что единственная выпавшая на ее долю ночь волшебства была не более чем игрой воспаленного воображения.

Лили положила печенье между корней.

– Я хотела сказать, что, возможно, ты прав. Я имею в виду, про уход в Страну фей. А не про магию в этом мире.

Девушка уселась на траву, положила рядом ящик с красками и водрузила сверху сумку. Затем подобрала опавший яблоневый листок и принялась методично его ошипывать.

– Знаю-знаю, – сказала она. – В этом мире тоже много будничной магии. Просто я не понимаю, почему нельзя еще дружить с волшебным существом.

Ответа не было. Яблоневый Человек не вышел из ствола. У Лили над ухом не раздался голос из ночного видения. В общем-то, она ни на что особо и не рассчитывала.

– Я хочу попросить у тетушки акр земли под собственный сад, – продолжила она. – Попробую вырастить там тростник и продавать патоку на ярмарке. Или наберу ягод и сделаю пирогов и варенья. Мне ведь понадобятся деньги на краски.

Лили взглянула наверх, в переплетения узловатых ветвей.

– Видишь, я не совсем безнадежна. Может, все-таки дашь мне шанс?

Помедлив, девушка встала и начала отряхивать колени.

– Завтра принесу тебе еще печенья.

С этими словами она подхватила ящик и сумку и направилась к тетушкиному дому.

– Спасибо, – слышался за спиной тихий знакомый голос.

Лили обернулась. Под деревом никого не было, но печенье исчезло.

Девушка улыбнулась.

– Ну, начало положено, – сказала она и принялась спускаться по холму.

Чарльз де Линт – писатель, фольклорист и исполнитель кельтской музыки, который живет в Оттаве, Канада, вместе с женой Мэри Энн Харрис, тоже музыкантом и художницей.

Его перу принадлежат многочисленные романы в жанре магического реализма. Действие большинства из них происходит в вымышленном городе Ньюфорде. Рассказы из «Ньюфордского цикла» можно прочесть в антологиях «Городские легенды», «The Ivory and the Horn» и «Moonlight and Vines». Последний сборник в 2000 году получил Всемирную премию фэнтези. Среди других работ писателя выделяются «Волчья тень», «Зеленая мантия», «Лезвие сна», трилогия «Зверлинги», а также роман «Кошки Дремучего леса», проиллюстрированный Чарльзом Вессом.

Чтобы узнать больше, загляните на сайт писателя: www.charlesdelint.com.

От автора

Среди моих лучших друзей есть семейная пара – Карен Шаффер и Чарльз Весс. Я знаю Чарльза многие годы – и столько же лет мы пытаемся вместе сделать какой-нибудь большой проект, а не иллюстрированный сборник рассказов

тут, книжку комиксов там.

Наконец нам предоставилось целых два таких шанса – спасибо Шерин Новембер из издательства «Viking» (за детскую книжку-картинку) и Биллу Шейферу из «Subterranean Press» (за графический роман). Оба проекта связаны образом Лили, а действие этого рассказа происходит между ними. Предположительно, домик тетушки Лили стоит в холмах за Ньюфордом, но на самом деле это лесистые холмы Вирджинии, где живут Карен и Чарльз. Там есть такой же домик – в часе пешком от дороги, – ручей, сосны и буки. Не сомневаюсь, что Яблоневый Человек там тоже есть.

Название этого рассказа вдохновлено строчкой из песни группы «The Incredible String Band», которую написал Майк Херон.

Танит Ли

Среди листвы такой зеленой

*– Замуж я выйду за славного рыцаря,
Статного рыцаря, юного рыцаря,*

– напевает Бергетт, распахивая деревянные ставни.

Золотой солнечный свет растекается по кровати и полу, будто пролитый мед. Но даже прекрасное утро не спасает от дурных предчувствий: Гилэйн слышит пение и понимает, что неприятности уже не за горами.

Бергетт – сестра Гилэйн. Сводная. В деревне у их матери дурная слава. Однажды она сошлась с дровосеком – и появилась Бергетт. Два года спустя в ее кровати оказался другой дровосек – и родилась Гилэйн.

Для деревенских они обе как бельмо на глазу. Плод греха. Впрочем, для Бергетт сестра – чудовище куда хуже. Она родилась первой, а потом Гилэйн заняла ее место. И Бергетт мстила, сколько себя помнила, десятками способов: отбирала еду, толкала, щипала и подставляла. С каждым годом издевательства становились все жестче, унижительнее и изощреннее.

– Вставай, – требует Бергетт, поворачиваясь, чтобы пнуть Гилэйн.

Но ее половина тюфяка уже пуста.

Им повезло ночевать тут, наверху. Из-за работы мать спит отдельно. (Вчера ночью у нее остался трактирщик. Около часа назад, на рассвете, было слышно, как он впопыхах собирается.) В отличие от прочих односельчан, сестрам лучше не вставать слишком рано – чтобы не смущать уходящих клиентов.

– *И в платье шелковое он меня оденет,* – продолжает Бергетт.

Ей шестнадцать. Черные волосы. Бледная кожа. А Гилэйн в свои четырнадцать – нескладное нечто со светло-русыми волосами и легким загаром. Когда только успела? И у той, и у другой зеленые глаза, только у Гилэйн – цвета молодого винограда, а оттенок Бергетт больше напоминает змеиный яд. Обе – девицы на выданье, но кто возьмет их замуж? С такой-то матерью.

Мать зовет их резко и требовательно.

Бергетт безумно смеется, внезапно пихает Гилэйн так, что та едва не падает, и спускается по лестнице на первый этаж.

Прежде чем последовать за ней, Гилэйн смотрит из окна на деревню – лабиринт неряшливых хижин и кривобоких домов с мрачной каменной церковью во главе. Ее взгляд следует вверх по склону, к кромке леса. Того самого леса, страшного и опасного, в честь которого назвали их деревню.

– Пусть она оставит меня в покое, – шепчет она лесу. – *Пожалуйста.*

– Сходите за яйцами к Вдове, – приказывает мать, как только они доедают комковатую кашу, которую сами же и приготовили.

– Нет, – отвечает Бергетт.

Мать тут же отвешивает ей увесистую оплеуху. Бергетт в истерике заливается слезами. Как и пение, слезы предвещают неприятности – что бы ни сделала мать, сестра отыграется за это на Гилэйн. Сегодня ей точно попадет.

Да и что толку упрямитесь? Все равно придется идти. Им обеим.

У матери есть три причины послать их к Вдове.

Первая: тогда они не путаются под ногами, пока она принимает «гостей» или просто бездельничает.

Вторая: им придется идти через лес. Ни один деревенский в здравом уме старается туда не соваться. Кто знает, какие опасности могут подстергать на глухих тропинках? Волки, дикие кабаны, змеи, болотные огни и духи. Тем более дом Вдовы стоит в самых дебрях, а по пути так легко потеряться... Ну, или их может разорвать какой-нибудь дикий зверь. Мать, впрочем, никогда не призналась бы в том, что хочет от них избавиться.

Третья, последняя по порядку и по значению: скорее всего, сегодня к матери заглянет пекарь, а он любит яйца.

Когда они идут по деревне, кто-то швыряет камень – и попадает в Бергетт. Она в гневе оборачивается, но обидчик

уже скрылся. Им может оказаться кто угодно. Все ненавидят деревенскую шлюху и ее детей. Даже мужчины – пока не переступят порог ее дома.

Обе девочки знают, что однажды наступит момент, когда им больше не удастся откладывать Смену – как мать это называет. Иначе говоря, придет время заняться ее ремеслом. Но они предпочитают об этом не задумываться.

Пока они поднимаются по склону и легкая поросль сменяется настоящим лесом, Бергетт снова заводит песню о рыцаре и леди.

Гилэйн хочет побыть в тишине и послушать шепот ветра в листве, шелест травы и лесные шорохи. Но просьба замолчать наверняка обернется чем-нибудь ужасным.

Подлесок раскрашен в два цвета – багрянец цветов и зелень побегов. Сам лес, густой и хвойный, кажется черным. Тени сгущаются между деревьев – сосен, кедров и елей, кустарников болиголова и остролиста, еще с зимы пестрящего кроваво-красными ягодами.

Солнце скрывается за кронами деревьев.

Неба больше не видно.

Бергетт резко прекращает петь.

– Ну а теперь, малявка...

Гилэйн убегает раньше, чем в ее лицо впиваются ногти – Бергетт объяснила бы глубокие царапины встречей с остролистом.

Гилэйн бежит быстро, как лань, подныривает под ветвями и перепрыгивает через торчащие из земли корни. Под ногами тут и там мелькают грибы, вереск и колючая трава. Бергетт справляется с препятствиями куда хуже и быстро остается далеко позади.

Тени сгущаются все сильнее – и яркий день прямо на глазах оборачивается ночью.

Ох, просто замечательно.

Поблизости ни единой тропинки. Ни одной приметы. Совершенно непонятно, как теперь добираться до хижины Вдовы.

«Надо было остаться. Или хотя бы броситься в другую сторону, – судорожно размышляет Гилэйн, пока мчится по лесу. – Зачем я побежала именно сюда?»

Но куда еще было бежать? Ноги сами принесли ее. Множество раз ей доводилось видеть, как злится Бергетт, но в этот раз на лице сестры отражалась такая жажда убийства, такая ненависть плескалась в глазах цвета змеиного яда, что Гилэйн просто бросилась наутек. И теперь она, словно загнанный зверь, мечется в поисках безопасного укрытия...

Но его нет.

Да и откуда бы ему взяться?

Она останавливается, только когда видит Древо – хотя задыхается, а бок то и дело пронзает острая боль. Добравшись до него, Гилэйн падает на колени, вжимает голову и ждет, когда Бергетт наконец настигнет и изобьет ее.

Древо – наполовину дуб. Или, вернее, два дерева, дуб и граб, корни которых переплелись так тесно, что они выросли практически на одном месте – и стали единым Древом.

В дремучей чаще, наполненной тенями, только Древо облагоухалось в зелень раньше срока. Листья еще не распустились до конца, но уже стали роскошной кроной, ажурной и раскидистой. С ветвей граба, словно сережки, свисают желтые метелочки соцветий.

Древо устремляется ввысь сквозь застилающую небо листву соседей. Сверху, разлетаясь золотистыми брызгами, льется водопад солнечного света.

Гилэйн медленно поднимает голову и рассматривает Древо, как будто в первый раз. Сейчас она действительно замечает кое-что новое – витки кем-то закрепленной виноградной лозы, обещающей к осени дать горсть синих ягод, и подвешенный на шнурке деревянный амулет. Некоторые ветки обвязаны лентами и тесьмой, ничуть не похожими на те, что можно увидеть в деревне.

На выцветшем переднике, который скрыт в переплетении ветвей, лежат медовые соты, зимние яблоки и ломти свежего хлеба.

В лесу полно птиц, но подношения они не трогают. Стоит тишина. Такая же зловещая, как в то мгновение, когда Бергетт прекратила петь.

А потом сестра все-таки ее находит. Она хватается Гилэйн за волосы и оттягивает ее голову назад. Та крепко зажмури-

вается, чтобы уберечь глаза...

Но Бергетт ее отпускает.

– Что это за жуткое место? – спрашивает она.

– Не знаю, – лжет Гилэйн, мимолетно удивившись, что ее хотя бы на время оставили в покое. Конечно, она *знает*.

– Как-то тут скверно. Готова поспорить, ты специально меня сюда затащила, – Бергетт пихает сестру, но без особого усердия. Ее мысли заняты другим.

Мгновение спустя она натывается взглядом на алтарь у Древа, берет пару яблок, предложенных лесному богу, и откусывает сначала от одного, а потом от другого.

– Нет! Не надо! – умоляет Гилэйн.

Бергетт ухмыляется и продолжает их грызть.

Яблоки, да и вообще вкусная еда, перепадает им редко. У их непутевой матери нет своего сада, а «гости» зачастую не удосуживаются принести угощения.

Гилэйн замирает и ждет гнева бога, живущего в Древе.

Почему он медлит?

Была бы она рада, если бы тот наказал Бергетт? О да! Но, несмотря на это, Гилэйн подходит к дереву, низко склоняется, как уже делала раньше, и шепчет:

– Не сердись. Она невежа, вот и все.

– Вообще-то, я все слышу!

Бергетт оттаскивает Гилэйн от Древа и дает ей под дых.

Пока Гилэйн лежит на земле, пытаясь восстановить дыхание, Бергетт швыряет недоеденные яблоки в ствол, так что

они разлетаются на множество кусочков.

– Грязные язычники! – вопит Бергетт, хотя ее голос дрожит от страха. – Чего тут бояться? Что за бредни? Да нет здесь никого!

Едва договорив, она разворачивается и убегает в лес.

Гилэйн не пошла бы за ней, даже если бы могла. В конце концов, это Бергетт заблудилась, а не она. Она отлично знает, где находится.

Гилэйн с трудом поднимается и бредет к Древу.

Она стоит, глядя наверх, где сквозь изумрудную листву пробиваются золотые лучи. Затем осторожно касается коры.

– Прости, что так вышло. Не сердись, пожалуйста.

Гилэйн вытаскивает монету, на которую должна была купить яйца, и кладет ее на алтарь.

– Я знаю, что деньги для тебя не имеют значения, но больше у меня ничего нет.

Почему она так делает? Гилэйн и сама не понимает.

В голове сами собой возникают кошмарные образы: Бергетт бросают в темницу за ее проступок. Может, она и заслуживает такой участи, но Гилэйн – из сострадания или из впечатлительности – не в силах вынести эту картину.

Древо шумит и вздыхает, будто ему точно известно, что сделает с Гилэйн мать за «потерянную» монетку и невыполненное поручение. Ну конечно, ему известно.

Божество и его Древо знают все.

Христианский священник, каждый вечер пропускавший

пару-тройку (десятков) кружек пива, наставлял деревенских на путь истинный: языческие верования – ложь и блажь, деревья – всего лишь деревья, волки – всего лишь волки, и не бывает ни демонов, ни духов. Зато есть дьявол, завлекающий души в ловушку с помощью суеверий и примет. Он обитает в лесу, заявлял в подпитии священник, в лесу и нечестивых сердцах язычников.

В отличие от него, Гилэйн не верит в дьявола, но ничто не заставит ее усомниться в существовании духов и демонов.

Гилэйн бредет по лесу к хижине Вдовы. У нее нет других идей. Может, Бергетт все-таки найдет дорогу. Или Вдова отдаст хотя бы одно яйцо бесплатно... Она уже делала так пару раз, когда жадная до денег сестра прикарманивала монетку.

Говорят, что Вдова была замужем за крестоносцем, который, вернувшись из похода, по каким-то таинственным причинам решил поселиться именно здесь. Звучит, конечно, неправдоподобно, но что-то в этом есть.

Вдову не перепутаешь ни с кем другим: это сгорбленная старуха с тонкой коричневой кожей, напоминающей пергамент, и длинными узловатыми пальцами. Она, будто женщина с языческого Востока, прячет лицо и волосы под слоями ткани. Иногда сквозь них блестят узкие глаза, однако их цвет рассмотреть не удастся.

Лицо всегда надежно скрыто.

Ее ветхая хижина выглядит совсем неопрятно, а еще там

живет, наверное, целый десяток кошек. И жаба, огромная и ярко-зеленая, как лист плюща. Как ни странно, они отлично друг с другом ладят. От посягательств кошек страдают только куры, а время от времени – птицы в лесу. Но когда дело касается жабы, они лишь лениво потягиваются, зевают и идут охотиться на кого-нибудь другого.

В этот час Вдова сражается с сорняками в саду, где растут дикая капуста, сельдерей и низкие ореховые деревья. Куры путаются у нее под ногами.

Ни следа Бергетт.

Вдова медленно выпрямляется, и Гилэйн чувствует ее взгляд.

– Доброго утра, – говорит Гилэйн. – У вас не найдется лишних яиц?

– Кто тебя поколотил? – вместо ответа осведомляется старуха.

Как она узнала? Может, птицы рассказали?

– Сестра.

– А что еще она натворила? – не успокаивается Вдова.

– Украла подношения Древу.

И почему она обо всем этом выспрашивает?..

К искреннему изумлению Гилэйн, Вдова хохочет в ответ. А потом объявляет:

– Яиц нет. Последние три дня куры не неслись.

Гилэйн разворачивается, чтобы уйти. У нее нет ни денег, ни яиц, и за это придется расплатиться с лихвой – теперь

мать точно ее выпорет.

– Зайдешь? – неожиданно приглашает Вдова.

И так же неожиданно – для самой себя – Гилэйн соглашается. В хижине витает причудливая смесь запахов: лекарственных снадобий, лесных трав, а еще кур и кошек.

Они садятся на стулья под единственным узким окном.

– Значит, ты приносила подношения Древу? – спрашивает Вдова.

Гилэйн не пытается лгать. Отчего-то ей кажется, что от этого не будет никакого толку – Вдова спрашивает так, будто все уже знает и просто хочет удостовериться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.